

СТАВКА БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖИЗНЬ

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин

СЛЕПОЙ

ИГРА БЕЗ КОЗЫРЕЙ

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Игра без козырей

«ХАРВЕСТ»

2002

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Слепой. Игра без козырей / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2002 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-3664-8

На территории Польши в тридцати километрах от белорусской границы под видом фирмы, занимающейся перевозкой мяса, работает небольшой подпольный завод по производству синтетических наркотиков. Разоблачить преступников и уничтожить завод берется секретный агент ФСБ Глеб Сиверов по кличке Слепой.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3664-8

© Воронин А. Н., 2002
© ХАРВЕСТ, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Воронин

Слепой. Игра без козырей

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2015

Глава 1

Субботним вечером тяжелый джип «Ниссан» подъехал к полосатому шлагбауму, закрывавшему въезд во внутренний дворик китайского ресторана «Врата дракона». Водитель джипа трижды коротко просигналил. Из будки выскочил охранник в легкой куртке, без шапки и, мельком заглянув в ветровое стекло машины, приветственно махнул рукой водителю и пассажирам.

– Открывай скорее, мать твою... – в сердцах произнес водитель, принимая правой рукой зажженную зажигалку от напарника. – Вечно он с механизмом возится! Две кнопки до сих пор освоить не может.

Подрагивая, шлагбаум медленно принял вертикальное положение. Джип покинул стоянку и выехал на оживленную улицу.

– Такой хороший вечер, – произнес водитель, перебрасывая сигарету из одного угла рта в другой, – а Полковнику все нейдет, испортил нам отдых. Я не ожидал, что сегодня придется работать. Вчера вкалывали, позавчера вкалывали, думал – сегодня оттянусь. Ему хорошо: сиди себе, водку кушай да на девок поглядывай. А нам с тобой, Коготь, придется вкалывать.

Фамилия мужчины была Когтев, а его спутника – Станчиков. Но они предпочитали называть друг друга по кличкам.

– Ничего, – ответил Станчик водителю, – повезет – быстро обернемся.

– Предвижу, что быстро не получится, – опустив ветровое стекло, водитель выплюнул окурок на мокрый асфальт.

Дворники размеренно сбрасывали капли дождя с ветрового стекла, грузный «Ниссан» мчался по вечернему городу.

– Я сегодня закимарил и такой гнусный сон увидел, аж проснулся весь в мокром поту.

– Не хрен днем спать.

– А когда еще спать? Если по ночам вкалываем.

Мужчинам, сидевшим в джипе, было лет по сорок. Одеты они были в кожаные куртки, добротные, дорогие, у водителя – черная, а у его напарника – коричневая. Под куртками темнели джемпера без воротников.

Минут через двадцать Станчик и Коготь уже входили в недорогой ночной клуб. Охранники взглянули на них, но даже не сдвинулись со своих мест. И Станчиков, и Когтев внушали им доверие – широкоплечие, высокие, дюжие мужики.

– Наверное, эфэсбэшники, – сказал один охранник другому, глядя в спину Станчикову.

– С чего ты взял?

– Рожи у них... Видно, что не наши клиенты.

– Похоже, твоя правда.

Пройдя узкий тоннель, Станчик и Коготь оказались в огромном зале, где оглушительно гремела музыка и по дергающимся фигурам метались сполохи то ярко-синего, то изумрудного света. Кто хотел, курил, кто хотел, пил. Справа от входа протянулась длинная стойка бара.

Бармены едва успевали подавать алкоголь разгоряченной музыкой публике. Повсюду – на стойках, полках виднелись солонки.

– Ну что, выпьем? – спросил Коготь Станчикова.

– На работе нельзя, Полковник этого не одобрит.

– Когда нас никто из своих не видит, можно начхать на это.

– Не советую, – сказал Олег Иванович Когтев и, облизнувшись, посмотрел на солонку. Не выдержав, макнул в нее палец и слизнул соль.

– Ну и гадюшник тут! – проворчал Павел Викторович Станчиков. – Только теперь я понял, какие мы с тобой, Олег Иванович, старые. Смотрю на девок, вроде все при них – и задницы, и сиськи, а мне они кажутся несовершеннолетними.

– Брось, Станчик, мы сюда не за бабами приехали. Но им лет по двадцать наверняка.

– Скажешь! У меня дочка почти такая.

– Я же говорю – в среднем. Вон та, наверное, наша ровесница, той уже лет тридцать, видишь, сиськи отвисли? А той лет четырнадцать, хотя сиськи тоже отвисли, – скривил губы Коготь.

– На задницы лучше смотри, они тут у всех крепкие.

– Если бы не колготы да тугие трусики, и задницы бы висели.

Гульба и танцы были в полном разгаре. Одна музыкальная тема сменялась другой, еще более заводной и бойкой. Ведущий не объявлял группы, лишь кричал что-то задорное и неразборчивое. Уставшие девчонки подбегали к стойке, стучали по ней, хлопали в ладоши. Расторопный бармен наливал джин-тоник, «Тыкилу» и пиво. Почти всех клиентов он знал в лицо, даже знал, кто из них будет платить за друзей, а кто расплатится сам.

Когтя и Станчика бармен приметил сразу и оценил: «Солидные. Если станут пить, то основательно – водку и в больших количествах. Сразу закажут не меньше бутылки».

Бармен свое дело знал, навязываться со спиртным не спешил, понимая, что еще пятьдесят минут – и мужики начнут гложуть от музыки, слепнуть от мелькания задниц, сисек. А единственный способ снять наваждение и влиться в разгульное веселье – это самым побыстрее дойти до той степени опьянения и расслабона, какого достигла толпа. Но мужики держались крепко, попивали минералку, хотя глаза у них блестели. Коготь и Станчик цепкими взглядами ощупывали танцующих.

«Раз не пьют, значит, на машинах приехали, решили баб снять. Но почему тогда не сняли на улице? На улице бабы дешевле. Может, им захотелось свеженького, не проституток? Хотя все бабы здесь, по большому счету, проститутки: отдаются если не за деньги, то за дозу».

Бармен публику знал, как священник Псалтырь. Одни могли сделать минет за бутылку фирменного пива, другие – за порцию джина, третьи – за таблетку. Те, кто работал исключительно за деньги, сюда не приходили, охрана их не пускала, отфильтровывая прямо на входе. Ночной клуб открыт для тех, кто приходит оставить деньги, а не зарабатывать.

«Кажись, выбрали», – встряхивая шейкер, бармен увидел, как Коготь и Станчик переглянулись.

Мужчины медленно пробирались к дальнему концу стойки, где на высоком табурете, закинув ногу за ногу, сидела девушка с ведьмовской кличкой Стелла. Она манерно держала длинную сигарету и скучающе смотрела в зеркало над барной стойкой, пытаясь разглядеть свое отражение между бутылок, и выпускала дым тонкой струйкой.

Коготь и Станчик встали с двух сторон от девушки.

– Добрый вечер, – хрипло произнес Коготь, – скучаешь?

– Не скучала до того момента, как подошли вы, – отрезала Стелла, даже не обернувшись. Голос мужчины ей не понравился сразу. В клубе постоянные посетители друг к другу подобным образом не обращались. – Вы что, новенькие? – спросила Стелла, делая глоток пива из высокого стакана.

– Не совсем. Мы из другого района.

– А, понятно. Ищете кого, что ли? Или какая-нибудь девка вас кинула?

– Я что, похож на того, кого можно кинуть? – рассмеялся Коготь, постукивая массивным перстнем по стойке.

Глядя на его кулак, словно облепленный курчавыми светлыми волосками, Стелла ощущала себя маленькой девочкой, но виду старалась не подавать. «Таким кулаком можно про-

гнуть капот автомобиля, можно разбить лобовое стекло. А если таким кулаком дать по голове, то наверняка мозги из ушей потекут. Надо быть с ними повежливее».

– Вы не из ментовки, ребята?

– Мы на ментов похожи, что ли?

– Обижаешь.

– На лбу у вас не написано.

– У нас в другом месте написано.

– Что-то я вас не пойму, – произнесла Стелла, гася сигарету. – Сами не пьете, девочек не угощаете, не танцуете.

– Потеть не хотим, – сказал Станчиков, почесывая грудь. Он чувствовал, что кожа уже слегка влажная.

«Надо было куртку в машине оставить, все равно пистолет остался в автомобиле».

– Значит, вы никого не ищете, водку не пьете, наркотики не употребляете, девчонками не интересуетесь, не танцуете, – Стелла загибала один палец за другим, пока все пять не сжались в кулак. – Значит, вас вообще нет, и жизнь вы проживаете напрасно. Меня зовут Стелла, меня здесь все знают, я уже два года сюда хожу. У меня в баре кредит, если нет денег, мне наперед «дринк» дают. Витек мне всегда нальет.

Коготь склонился к уху Стеллы и прошептал:

– Насчет наркотиков ты зря сказала, доза нам не помешала бы.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– В нашем районе продавца взяли, а другого мы не знаем. Доза нужна.

– Чего изволите? – хихикнула Стелла. – Можно дозу «Тыкилы», можно водки. Это тоже наркотик, по шарам бьет будь здоров.

– Не жадничай информацией поделиться, мы и тебя угостим, если пожелаешь.

– Не откажусь, – глаза девушки зажглись.

Коготь щелкнул пальцами, подзывая бармена, и тут же указал на Стеллу:

– Она заказывает, я плачу.

– Тогда – дорогой коньяк, – хихикнула Стелла и ткнула пальцем в пузатую бутылку, на которую смотрела уже не один вечер, понимая, что такого напитка в кредит ей не нальют.

Бармен налил сто граммов в бокал, пододвинул Стелле и посмотрел на Станчикова.

Стелла подбодрила бармена:

– Он заплатит. Но на всякий случай я пока еще не пью.

– Сколько? – спросил Станчиков, запуская руку в карман куртки.

– Триста рублей.

Станчиков хмыкнул и посмотрел на колени Стеллы:

– Триста рублей, – повторил он, после чего положил деньги на стойку.

– Теперь я вам обязана, – расплылась в улыбке Стелла, – но обязана ровно на триста рублей.

– Ты не пожалеешь, – сказал Коготь, положив ладонь на колено девушки.

Та не стала сбрасывать руку, но предупредила:

– Для секса сумма маловата, даже для экспресс-секса.

– Секс – вещь хорошая, но есть более актуальная потребность.

– Нас доза интересует – «синтетика».

– Я в курсе, знаю, о чем вы говорите. Это последний писк, месяца два как завезли. Но здесь, – Стелла окинула взглядом зал, – ее ни у кого нет. Травка – пожалуйста, кокаин – тоже подсказала бы, в десяти минутах ходьбы отсюда. Сама я «синтетикой» не балуюсь: слишком быстро привыкаешь; хоть и стоит недорого, но лучше отцовским способом кайф ловить, употреблять экологически чистые продукты.

– Ты что, может, в «Грин писе» состоишь? – пробурчал Коготь прямо на ухо девушке.

Та рассмеялась:

– Я совсем зеленая?

– И мы не голубые, – мужчины сели на высокие табуретки по обе стороны от Стеллы.

Девушка медленно пила коньяк.

– Неужели мы зря деньги потратили? – глядя в глаза девушке, спросил Коготь.

– Нет, не зря, – произнесла Стелла, облизывая губы. – Я вас выручу. Сейчас появится Кармен, она в курсах, передам вас ей.

Кармен появилась минут через пять, была она, как и положено, с красной розой в волосах, с почти черными губами. Глаза у Кармен были на выкате, как у лягушки, и блестели, словно стеклянные. С первого взгляда было видно, что девушка уже «торчит».

Стелла яростно замахала руками, как матрос на мостике тонущего корабля. Кармен, виляя худым задом, приблизилась к стойке. Нимало не комплексуя, оперлась острым локотком о спину Когтя, словно тот был подставкой.

Коготь стерпел.

– Надеюсь, ее угощать коньяком нам не придется? – спросил он у Стеллы.

– Она не пьет, она уже торчит, ей спиртное ни к чему. Подруга, – сказала Стелла, зацепив пальцем нитку бус на шее Кармен и подтаскивая ее к себе, – доза нужна.

Та развела руками:

– Все, что раздобыла, уже во мне.

– А еще достать можешь?

– С меня хватит, а для тебя, подруга, можно сделать. Чего надо? – и тут она осеклась, наконец заметив двух мужчин.

– Не бойся, дай им наводку, они тоже хотят оттянуться.

– Не похожи они на наших.

– Потому что дозу еще не приняли, – усмехнулся Коготь. – Помоги, девонька, не обидим и тебе проставим.

– Меня ноги не носят, далеко идти придется.

– Мы с машиной.

– Тогда нет вопросов. Но и на меня одну лишнюю дозу возьмем, мне на завтра надо. Вы мне обещали.

– Хорошо, – сказал Коготь. – Мы в расчете?

Станчиков кивнул.

Втроем они покинули бар. Кармен втянула свежий воздух, словно принюхивалась.

– Станный запах, – сказала она.

– Это свежий воздух так пахнет, – напомнил наркоманке Станчиков.

– Где ваша тачила?

– Совсем близенько стоит, пошли.

Перед машиной в голове Кармен что-то замкнуло, и она принялась хохотать, извиваться, вытанцовывать и громко кричать. Даже охранник вышел на крыльцо и вяло поинтересовался:

– Кармен, у тебя все в порядке?

– Полный ажур, – помахала девушка рукой, в которой сжимала десятку.

Коготь сел за руль, а Станчик затолкал на заднее сиденье хохочущую Кармен.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два, – сказала Кармен. – Что, не похоже?

– Похоже... мозгов у тебя как у пятиклассницы, – сказал Коготь. – Куда рулить?

– Прямо по улице, затем на первом перекрестке направо.

Коготь послушно свернул направо, и тут Кармен ударила его кулаком в плечо:

– Я же сказала направо, – при этом она показывала налево.

Станчиков тяжело вздохнул:

– Не злись, девушка немного потеряла ориентацию в пространстве и во времени.

Машина лихо развернулась на узкой улице и покатила дальше. Через два квартала Кармен напустила на себя серьезный вид и стала говорить заговорщицким шепотом.

– Тише, тише... – шептала она. Потом схватила Когтя за плечи. – Стой!

Улица впереди казалась пустынной.

– Где? – поинтересовался Станчиков.

– Не ваше дело, деньги давай.

– Сколько?

– Полтинник, если на троих брать. У меня скидка.

– Как постоянному клиенту? – поинтересовался Коготь.

– Не твое дело, – девушка зло выхватила полтинник из пальцев Станчикова и крикнула в неприкрытую дверцу так, что ее крик эхом пронесся по пустынной улице: – За знание иностранных языков мне не только скидка от продавца положена, но и надбавка от случайного покупателя, идиот!

Мужчины остались в машине, а Кармен, виляя бедрами, шла по осевой линии улицы.

– Киданет, – сказал Коготь.

– Полтинника жалко стало?

– Мне сил наших жалко. Вечер уже убили, а еще ни хрена не разнюхали.

– Я здесь, ты там, – распорядился Коготь.

Станчиков выскользнул из машины и, прижимаясь к темной стене, последовал за Кармен. Девушка несколько раз обернулась, но ничего подозрительного не заметила. Улица расплывалась в ее глазах, асфальт качался под ногами, ей было весело. Она негромко запела и, пританцовывая, свернула за угол.

– Сумасшедшая, – Станчиков выглянул из-за угла и перебежал в арку, откуда мог наблюдать за Кармен без риска быть обнаруженным.

Возле телефона-автомата стоял парень с газетой в руках, словно что-то пытался прочесть в неверном свете фонаря. В пальцах парень сжимал ручку с блестящим колпачком.

«Кроссворды разгадывает, сука!» – решил Станчиков, почему-то позавидовав тому, что человек может на рабочем месте иметь нехитрое развлечение.

Кармен не дошла до парня метров десять. Тот не обращал на нее внимания. И тут Станчиков широко улыбнулся: Кармен обхватила стойку дорожного знака, как стриптизерша шест, и задрала ногу выше головы. Широкая красная юбка соскользнула с колена, обнажив кружево чулка. Парень нехотя оторвался от кроссворда. Кармен помахала ему рукой, он махнул ей газетой.

– Иди сюда.

Кармен отрицательно покачала головой:

– Сам подойди, видишь, мне неудобно прыгать на одной ноге.

– Кому надо – мне или тебе? – незлобно поинтересовался парень.

– И мне надо, и тебе, – Кармен запустила руку в разрез блузки, вытащила мятый полтинник, помахала им и взяла в зубы.

– Так я прямо сейчас все брошу! Если подскажешь слово из пяти букв... Удовольствие, которое любят все.

– Удовольствие... – Кармен томно прикрыла глаза ладонью и страстно произнесла: – Минет...

– Минет, он, конечно, удовольствие, но не для всех. Кое для кого – работа. Для некоторых это слово на «о» начинается. Ты мне не нужна. «Отдых», – парень вписал слово в клеточки.

Станчиков терял терпение. Ему хотелось выскочить из подворотни, схватить девушку и долбануть головой о светофорную стойку, чтобы немного пришла в себя.

Парень сложил газету, засунул ее в карман куртки, вразвалочку подошел к Кармен, положил ладонь ей на бедро и заглянул в глаза:

– С тебя уже хватит. Если ты еще примешь, то шага сделать не сможешь.

– Не твое дело, Барон.

Парень завладел пятидесяткой, пощупал ее.

– Настоящая, – сказала Кармен.

– У тебя же денег не было. Где раздобыла? Слово из пяти букв – «минет»?

– Нет, «отдых».

Кармен выбросила пять пальцев:

– Пять колес, – девушка подставила ладонь.

Парень выдохнул, а затем ловко выбросил ей на ладошку пять желатиновых капсул:

– Теперь быстро делай отсюда ноги, не отпугивай клиентов.

– Не бойся, при тебе принимать не стану, за углом глотну, – Кармен осмотрелась. – Клиентов-то у тебя нет.

– Ты всех распугала своим воем, тебя за квартал было слышно. Ты хоть мелодию смени.

– Обязательно сменю – на похоронный марш.

Кармен привстала на цыпочки, поцеловала наркоторговца, оставив у него на лбу след черной помады, и, виляя бедрами, кружась и пританцовывая, исчезла за углом.

Наркоторговец своим ключом открыл дверь старого парадного подъезда и исчез за ней.

Станчиков подождал. Парень не поднимался по лестнице – сквозь мутное стекло двери читался его силуэт. Наркоторговец сидел на батарее и разгадывал кроссворд, лишь изредка вскидывая голову, чтобы посмотреть на улицу.

«Очередного клиента будет ждет до посинения», – решил Станчиков и, уже особо не таясь, зашагал по тротуару.

Кармен не сразу сумела открыть дверцу машины. Наконец упала на заднее сиденье:

– Водички не найдется?

Коготь не сразу понял, в чем дело.

– Уже и воды жалко!

– Говори более внятно, и к тебе потянутся люди.

Коготь подал бутылку минералки. Девушка поднесла к губам капсулу, но Коготь схватил ее за запястье и сжал руку, на которой лежало пять красных капсул. Он высыпал их себе на ладонь, пересчитал.

– Как договаривались, – с милой улыбкой произнес он, – две – нам, остальные – тебе. Но обманывать старших нехорошо, речь шла об одной.

– Я уже все деньги потратила, могу рассчитаться только натурой.

– Такая натура, как ты, мне и даром не нужна.

– Зря, я многое умею.

– Именно поэтому ты мне неинтересна.

– Едем, – скомандовала Кармен, когда вернулся Станчиков.

Ее абсолютно не интересовало, куда ходил мужчина, следил ли он за ней. У наркоманов память коротка, все мысли Кармен были лишь о том, как бы скорее проглотить еще одну дозу и заторчать на всю катушку.

Пока ехали к клубу, желатиновые капсулы размякли в потной ладони, но все еще держали форму.

– Пойдем, ребята, потанцуем, заторчим, – предложила Кармен.

– Вали, – незлобно сказал ей Коготь, а Станчик несильно толкнул девушку в плечо: – Иди, погуляй. И если совесть в тебе есть, поделись со Стеллой.

– Стелла «синтетику» не употребляет, она конченная натуралка.

Станчиков захлопнул дверцу, а Кармен картинно нагнулась и прильнула к стеклу губами, оставив на нем размазанный след черной помады.

– Фу ты, гадость какая! – Станчиков брезгливо морщился, отодвигаясь от дверцы. – Небось болезнью какой-нибудь страдает?

– На голову она больная. Руки у нее не исколоты, видишь, не боится короткий рукав носить.

– Все равно гадко. У меня такое чувство, словно меня в грязи изваляли, – признался Станчиков, – руки хочется помыть после этих двух баб. И находятся же идиоты, которые с ними трахаются! Я предпочитаю женщин в возрасте: если баба до сорока дожила и не сдохла и выглядит ничего, значит, следит за собой.

– Когда вмажешь, ни о чем не думаешь, – задумчиво произнес Коготь. – Я однажды с такой страшной шлюхой проснулся! В трезвом виде обходил бы ее за десять метров.

– И что?

– Ничего, обошлось. На сто процентов был уверен, что подхватил.

– Может, ты ее и не трахнул?

– Черт его знает, пьяный был – в умат. И она пьяная, – Коготь засмеялся. – Так что мы вместе не могли вспомнить. Картинка была, ты себе представить не можешь, еще та. Она первой проснулась, пошла кофе готовить. Я от запаха кофе и проснулся. Смотрю, спал не один. Представляю, что сейчас красотка, манекенщица голая на шпильках, мне кофе в постель притащит на подносе. А тут чудовище, пошатываясь, выплывает. Нечесаная, морда в синяках и улыбка до ушей. Половины зубов нет, а те, что есть, черные, гнилые, – Коготь затряс головой. – Я после нее все белье в машину затолкал, два часа кипятил.

– Кофе хоть попил?

– Меня чуть не вырвало. Месяц потом на женщин смотреть не мог.

– И как у тебя потом... снова наладилось?

– Трезвый ходил – ничего не получалось, а потом вновь напился... и наладилось. Проснулся: красотка рядом, милая, улыбается, довольная, голая лежит. Как трахал ее – помню. Пошел я радостный ей кофе приготовить, вернулся – а часов и бумажника нет. Голая она сбегала с вещами в руках или как, не пойму. Я в армии за сорок секунд по тревоге одевался. Она же за тридцать уже за дверь выскочила.

– Невезучий ты, Коготь. Поехали, – Станчик тронул приятеля за плечо. – Возьмем его – и на рельсы.

– На рельсы – это круто.

– Расписание помнишь?

– Сейчас посмотрю, – Коготь раскрыл блокнот, вытащил газетную вырезку. – Поездов хоть отбавляй, успеем на любой, – он потер руки.

– За работу, поехали.

– Говоришь так, будто нам ехать через весь город.

На этот раз машина остановилась прямо у таксофона. Парня, продавшего Кармен «синтетику», на улице не оказалось.

– Упустили, – забеспокоился Коготь.

– Посигналь, только коротко.

Коготь ударил ладонью по клаксону, машина вскрикнула так жалобно, как может вскрикнуть ребенок, которого ударили по щеке. Силуэт за мутным стеклом подъезда зашевелился. Парень, приставив ладони к вискам, всматривался в уличную темноту. Машина была ему незнакома, он колебался, стоит выходить или нет. «Может, и не мне сигналият?» – подумал он.

Но сидевший на заднем сиденье опустил стекло и призывно помахал рукой, показывая, чтобы парень подошел к автомобилю.

– Не действует, – Станчик выругался, вытащил пару купюр и принялся махать ими.

– Ты что, дурак, русскими рублями машешь?

– В темноте все равно ни хера не видно.

Но и тут осторожность победила в парне жажду наживы.

– Придется идти, – Станчиков унял злость и, напустив на себя добродушный вид, подошел к двери подъезда.

Парень все так же стоял, прильнув к стеклу и расплющив о него нос. Именно по этому месту и постучал пальцами Станчиков, затем пошуршал деньгами. Дверь отворилась, и парень, шагнув на улицу, посмотрел на незнакомого мужчину:

– Вам чего?

– Того же, что и Кармен. Она нас прислала, сказала, второй раз ей ехать неохота. Сучка, – добавил Станчиков, и именно это слово подсказало парню, что мужчине Кармен знакома.

– Что надо?

Станчиков разжал руку, показывая капсулы.

Парень затряс головой:

– Вы что-то путаете, у меня не аптека, я таблетками не торгую.

– Чем торгуешь?

– Ничем не торгую. Друзей жду, думал, они приехали. Договорился встретиться, – и парень зашагал по тротуару.

Ни машина, ни двое мужчин доверия ему не внушали. То, что Станчиков не наркоман, он понял сразу. Наркоманами становятся в более раннем возрасте, а мужчина был хорошо сложен, силен, тренирован и, судя по перстню, состоятелен. Подобные субъекты если и балуются наркотиками, то очень редко и уж тем более сами их на улице не покупают.

– погоди, – крикнул Станчиков.

– Не о чем нам говорить, – парень уже жалел, что отворил дверь.

Станчиков легко догнал его, схватил за локоть, отбросил к стене и занес руку для удара:

– Я, парень, к тебе по-хорошему, а ты послал меня?

– Я никого не посылал, я вежливо... отказал вам – торговец почувствовал, что если удар придется в челюсть, то нескольких зубов не досчитаешься.

– Стой тихо! – Станчиков сгреб пятерней полы куртки и так крепко сжал их, что торговец по кличке Барон чуть не задохнулся. Левой рукой Станчиков обыскал карманы куртки.

Кроме денег и связки ключей, он ничего не нашел.

– Где товар?

– Нет товара!

– Врешь!

Станчиков сорвал с пояса парня сотовый телефон, посмотрел на него, затем аккуратно положил на асфальт и умело раздавил каблуком. Хрупкий аппарат хрустнул, как яйцо.

– Зачем? Не надо!

– Я же спросил у тебя, есть товар? А ты сказал нет. Врать нехорошо, – и, даже не замедляясь, Станчиков заехал парню в челюсть. Но не сильно, а так, для остротки.

Тот ударился затылком о стену и тихо завыл.

– Пошли в машину. Если сам не пойдешь, еще раз ударю.

Парень послушно засеменил, придерживая разбитую голову рукой. Можно было попытаться убежать, но делать это следовало раньше, когда голова еще не гудела и не раскалывалась от боли, а ноги не подкашивались в коленях.

Возле машины наркоторговец попытался сопротивляться, но хватило пинка, чтобы он упал на пол между передним и задним сиденьями.

– Ноги подожми, а то дверью отрежет.

– Наручники ему надень, – посоветовал Коготь.

– Он и так никуда не денется, но совет хороший, – Станчиков защелкнул наручники на запястьях парня, заведя руки Барона за спину, и дернул цепочку, чтобы браслеты сильнее впились в тело. У Барона оставалась слабая надежда, что его замели менты. Его хозяева имели хорошие подвязки и могли выкупить своего человека.

«Кармен сдала, – подумал наркоторговец, – ее, наверное, только что взяли, и девка выдала».

Рот ему никто не заклеивал, Станчиков лишь повернул ногой голову Барона и поставил рифленый башмак на его шею. Кричать тот не рисковал, даже когда машина останавливалась на светофорах.

«Везут долго, – с сомнением подумал парень, – в участок было бы ближе. Кто же они?»

– Вы менты? – прохрипел он.

– Лежи и помалкивай, а то плохо кончишь. Тебя мама не учила, что торговать наркотиками вредно для здоровья, в первую очередь для твоего? Да и статья есть в Уголовном кодексе.

– Какие наркотики? У меня наркотиков нет, о наркотиках вы все время говорите.

– Заговоришь и ты, – пообещал Коготь.

Перестали мелькать фонари, в салоне стало темно. Барон задышался. Коврик оказался засыпанным дорожной пылью, сухой травой и окурками. «Куда мы едем?» – думал Барон. Спрашивать он уже не рисковал, каждая его фраза, брошенная похитителям, кончалась тем, что шею пережимал башмак.

Машина сбросила скорость, и вскоре шоссе сменилось проселочной дорогой.

«На дачу везут или в лес? Лучше бы на дачу, – рассуждал наркоторговец. – Если в дом, то будут держать, пока за меня хозяева выкуп не заплатят, а если в лес, будут бить. Хотя, – вздохнул он, – бить будут так и так».

Машина остановилась, и в резко наступившей тишине Барон услышал, как звенит у него в ушах.

– Приехали, – Станчик распахнул дверцу и вытащил за ноги Барона из автомобиля.

Тот ударился головой, но не очень сильно. Станчиков отступил, в темноте вспыхнула зажигалка, зарделась сигарета. Двое бандитов спокойно смотрели на то, как Барон со скованными руками поднимается на ноги.

Наконец он распрямился и сумел посмотреть в глаза своим похитителям. Ни злости, ни ненависти он в них не увидел. «Не менты, точно не менты, – решил Барон. – Но тогда какого черта? Кто они? Куда мы приехали? – и тут ему сделалось не по себе. – А вдруг окажется, что эти бандитского вида мужики – люди, нанятые родственниками какой-нибудь наркоманки вроде Кармен, решившими отомстить тому, кто продавал дочери наркотики?» – такой публики он боялся больше милиции.

Вдалеке послышался неясный гул, затем перестук, и вскоре совсем неподалеку пронесся, гремя железом, длинный состав – товарняк – даже ветер прогулялся по лесу и земля под ногами мелко задрожала.

– Это не твой поезд, – сказал Коготь, – не дергайся. Наш чуть попозже. Глянь-ка в расписание.

Вновь вспыхнула зажигалка, осветив газетную вырезку с расписанием движения поездов.

– Так, так, – приговаривал Станчиков, – двадцать две минуты осталось до симферопольского. Он валит быстро, километров девяносто в час. Пошли, а то опоздаем.

Барон еще не понимал, что его ожидает, поэтому особенно не сопротивлялся, когда мужчины, подхватив его под мышки, поволокли к железной дороге. Они взобрались на насыпь и бросили Барона поперек рельсов.

– Длинный он какой-то, – Коготь держал Барона за руки, а Станчиков за ноги.

– Укоротится, если и дальше упираться станет. А нет – останется таким же длинным.

– Мужики, что вам надо? Что вы затеяли? Все скажу, все отдам! – Барон извивался как уж.

– Кто твой хозяин?

– Какой хозяин?

– У кого наркотики берешь? Ты же не своим торгуешь? Кто тебе «синтетику» поставляет?

– Не знаю я никого! Я фамилии не знаю и про «синтетику» ничего не слышал.

– Непонятливый он, – бросил Коготь Станчику, – привязывай ноги.

И Барон не успел опомниться, как Коготь ловко прикрутил ноги капроновым шнуром к рельсу.

– Помоги, – просипел Коготь, не в силах один справиться с Бароном. Тот норовил укунить бандита за руку. – Я людей бить не люблю, – приговаривал Коготь, наваливаясь коленом на кисти рук.

Станчиков в это время приматывал шею Барона к рельсу капроновым шнуром. Шнур лег крест-накрест, перекрестье пришлось точно на кадык.

– Кто хозяин? – спросил Коготь.

Барон молчал.

– Может, ты слишком туго его прикрутил, воздуха ему не хватает? Эй, придурок, ты, наверное, еще не понял, что с тобой случится через восемнадцать минут, если ты нам ничего не скажешь? Симферопольский никогда не опаздывает, ходит точно по расписанию, – бандиты отошли в сторону, закурили, присели на корточки. – Вспомнил, кто твой хозяин?

Барон судорожно размышлял о стратегии поведения: «Скажешь, кто хозяин – убьют свои, а не скажешь, симферопольский зарежет. Главное – тянуть время, а там и представится шанс вывернуться».

– Мужики, – прохрипел Барон.

– Слышь, заговорил! Мозги прочистились? Кстати, парень, уже пятнадцать минут осталось.

– Я вам денег дам, у меня дома много денег.

– Кто нам помешает их взять после симферопольского, – резонно заметил Коготь, – ключи-то у нас? А живешь ты, судя по всему, один. А может, с матушкой-старушкой? Так мы матушку не обидим, быстро прикончим. В ванной утопим, и вода теплой будет, не простудится.

– Один я живу! – закричал Барон.

– Кстати, пока ты размышляешь, выдавать хозяина или нет, скажи, где деньги лежат, все равно же пропадут.

– За батареей, в свертке, – соврал Барон.

– За какой батареей?

– На кухне.

– Врешь, нет у тебя на кухне денег, но нам они и неинтересны. Если скажешь, кто твой хозяин, сам денежки свои потратишь – на билеты. Долго тебе придется по России раскатывать, чтобы свои же не поймали.

– Скоро поезд, – Станчиков встал на четвереньки и припал ухом к поблескивающему в лунном свете рельсу. – Летит, гудит, далековато еще, но уже слышно, вибрация пошла. Люди в вагонах сидят, водочку попивают, пивком балуются. Весело им, бархатный сезон, в Крым едут. Машинист – человек добрый, не захочет им настроение портить, резко тормозить. Стаканы перевернутся, закуска на пол упадет, дети с полок свалятся. Отвечать ему за это придется. Он и прикинет: одного идиота пожалеть или детей покалечить? Человек он добрый, мягко притормозит, пассажиры ничего и не узнают. А тебя тянуть будет с километр, не меньше, размажет, ложкой не соскребешь. Думай быстрее, а то моему уху холодно становится от твоего дыхания.

– Я вам скажу, мужики, только отвяжите!

– Хитрый ты, однако, мы столько старались, привязывали, веревку я узлами завязал, резать ее придется. А как разрежу, поезд пройдет и ты не скажешь, что нам, еще за одним мотком в Москву возвращаться? Лучше все сразу сделаем, ты нам говоришь, кто твой хозяин, мы тебя отвязываем и даже до электрички подбросим, чтобы ты успел за деньгами в Москву смотаться. И учти, потом никаких телефонных звонков. Если предупредишь хозяина, тебя это не спасет, а мы найдем тебя где угодно.

Барон замер и почувствовал, что рельс под его затылком тихо вибрирует, как попавшая в резонанс басовая струна гитары.

– Сколько осталось?

– Пять минут. Хотя, – задумался Станчиков, – я часы давно не выставлял. Может, они спешат на пару минут. Нам с тобой это неважно, мы же не в Симферополь едем, мы только посмотрим, как поезд пронесется. И если ты, парень, умный, то смотреть будешь вместе с нами, а если нет, то провожать взглядом поезд будем мы одни, – мужчины повернулись к Барону спиной и медленно пошли, шурша щебнем, вдоль пути.

– Я все скажу! – закричал Барон.

– Нам много не надо, имя и адресок. Можно телефон, – Коготь вытащил блокнот, в котором прятал расписание, достал ручку и, присев на корточки, приготовился записывать. – На какую букву?

– «Г» – выдохнул наркоторговец.

– Вот, черт, – приговаривал Коготь, – затерся алфавит совсем, надо блокнот менять, много у меня таких, как ты. Цигель, цигель, быстро, быстро, время поджигает! На «Г», говоришь?

– Гетман Богдан Борисович.

– Где живет?

– Не знаю, но встречаемся мы с ним каждый понедельник у метро «ВДНХ». Не я один прихожу, так что ждать он будет точно.

– Народу там много, – вздохнул Коготь, поглядывая вдоль путей, не показались ли огни локомотива.

– Отвязывайте, быстрее отвязывайте!

– Куда торопишься? На поезд опоздать боишься? Телефончик дай или хотя бы опиши.

– Он в машине ждет, желтая «Нива» четырехдверная, – Барон назвал номер, – напротив цветочных рядов обычно ее ставит. Милиция его там не трогает.

Гудение приближающегося поезда нарастало, но огней еще не было видно.

– Не может быть, чтобы ты телефончика его не знал. Да и пароль должен быть.

Рельс уже грохотал под Бароном. Он выложил все, что знал, – и номер телефона, и пароль, и даже описал Гетмана.

– Это хорошо, молодец, – Коготь потрепал наркоторговца по плечу, вытащил из кармана нож, выщелкнул лезвие, поднес к веревке, задумался на несколько секунд и принялся выковыривать грязь из-под ногтей кончиком лезвия.

– Отвязывайте быстрее!

– Еще один вопрос: откуда наркоту возят? Насколько мне известно, в России она появилась совсем недавно.

– Да. Второй месяц только! Дешевая, «синтетика». По-моему, ее из Польши прут, но точно не скажу. Это все у Гетмана узнаете.

– Не бойся, его тоже сюда привезем, симферопольский регулярно ходит, это мой любимый поезд. И знаешь, что интересно, место тут какое-то заколдованное: как положишь человека на рельсы, он чистую правду говорит. Уже не раз убеждался, никто не соврал. Спросишь адресок – назовет, придешь – точно, нужный человек по нему живет. Так что мы тебе верим, как своей маме.

– Отвязывайте быстрее! Режь веревку, – Барон извивался, дергался, но, естественно, рельсы были крепко прибиты к шпалам, а на шнуре при желании можно было повеситься.

– На таких шнурах можно легковые машины из грязи вытаскивать. Жаль веревку, – сказал Коготь.

– Не надо веревку жалеть, она на то и сделана, чтобы привязывать. Для Гетмана мы другую купим, – предложил сердобольный Станчик.

Из-за поворота показался свет мчащегося локомотива.

– Отвяжите! – крики и вопли наркоторговца уже сливались с грохотом поезда.

– Извини, опоздали, – прошептал на ухо наркоторговцу Коготь и отступил в темноту.

Барон уже не слышал собственного визга. Он исхитрился повернуть голову и посмотрел на бешено сияющие огни локомотива.

Помощник машиниста в это время подносил к сигарете своего шефа толстую рыбацкую спичку. На пути они не смотрели.

– Огонь такой, что ему ни дождь не страшен, ни ураганный ветер, – сказал машинист и перевел взгляд на полотно. Ему на какое-то мгновение показалось, что перед самым локомотивом мелькнуло что-то темное. – Собака, наверное, или заяц, – проговорил он.

Машинист с наслаждением затаился.

– Что они, дураки, по рельсам бегать? Они издали грохот поезда слышат.

– А если заяц глухой?

– А если он вдобавок слепой?

И симферопольский, не сбавляя скорость, точно по расписанию помчался на юг. Пассажиры в предчувствии хорошего отдыха наливали водку, закусывали курятиной, баловались пивком. А на верхних полках мирно спали дети, счастливые тем, что их летние каникулы продлятся как минимум на неделю.

Станчиков и Коготь стояли у подножия насыпи, прислонившись к большой старой ели, прятали в кулаки огоньки сигарет.

– На рельсах все говорят правду, более полную, чем в церкви на исповеди.

– Мне рельсы тоже нравятся. Ни бить человека не надо, ни мучить, все само собой получается. Коготь, а ты бы на рельсах правду сказал?

– Чтобы сказать правду, ее знать надо, а я предпочитаю лишних вопросов не задавать.

Красные огоньки поезда скрылись за поворотом. Коготь прислушался: что-то катилось к ним по откосу, шурша в траве. Что это, он уже знал, и поэтому отступил в сторону. Станчиков же был не так догадлив, прямо у его ног застыла отрезанная голова наркоторговца. Станчиков вскрикнул и отскочил.

– Не бойся, за палец не укусит, – расхохотался Коготь. – Ты поддай ее ногой.

Станчиков неумело перекрестился и аккуратно откатил голову в густую траву.

– Нехорошо, когда покойник по частям валяется.

– Долго валяться не будет, уже завтра путейцы найдут, милицию вызовут. А нам с тобой ехать надо.

– Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы, ехал поезд запоздалый, – напевал себе под нос Коготь, взбираясь на откос. – Любил я в детстве ходить по рельсам, – сказал он, расставляя руки и балансируя на одном рельсе. – Теперь не получается, а раньше я хоть километр мог пройти, – он соскочил в хрустнувший щебень и сбежал по откосу.

Станчиков все еще оглядывался. Он уже в который раз не мог понять, как так получается: был человек, проехал поезд, и на тебе, ни крови, ни рук, ни тела, ни веревок, одна голова осталась. Было в этом что-то мистическое, но так было даже спокойнее, чем если бы труп остался лежать на железнодорожном полотне.

Прикол с рельсами предложил босс Станчика и Когтя – Полковник. Сам он на подобные забавы не выезжал, ему же про рельсы рассказал дед, знаменитый украинский партизан. Так

они расправлялись с полициями и захваченными в плен немцами – привяжут к рельсам, а сами под деревьями ждут.

Продолжая напевать незатейливую песенку про рельсы и шпалы, Коготь уверенно гнал огромный джип к городу.

– Злые мы какие-то, – докуривая уже третью сигарету, сказал Павел Станчиков. – И ты злой, Олег, и я. Война нас, наверное, такими сделала. Представляешь, наши деды четыре года с фашистами воевали и все равно не такие злые, а мы – как звери. К Полковнику подходить страшно бывает...

– Я тоже его боюсь. Глянет, так у меня аж позвоночник хрустеть начинает. Может, свинтить нам... и с концами?

– Свинтишь тут... – Коготь барабанил пальцами по баранке, – из-под земли вытянут. И знаешь что, Пашка, самое плохое?

– И что же?

– То, что нас с тобой в случае чего даже к рельсам привязывать не повезут. Кто мы для Полковника? Таких, как мы, он сотнями на тот свет отправлял, так что одним солдатом больше, одним меньше – ему все до плечи. Сердца у него нет, у него только бабки на уме, а мы для него – солдаты. Кстати, набери, позвони, на месте он?

Станчиков взял мобильный телефон, быстро набрал номер:

– Пятый, это я, Станчиков говорит. Шеф на месте?

– ...

– Скажи, через сорок минут мы будем. У нас все в порядке, пусть не волнуется.

– ...

– Да поторопимся, понимаем, ночь.

– Давай, гони быстрее, – отключив телефон, пробурчал Станчиков, глядя на стрелку спидометра, дергающуюся у цифры сто, – Полковник злится, дважды спрашивал, где мы. Представляешь, сам даже позвонить ленится, небось сидит жрет и на девок глазеет.

– Мы с тобой недавно тоже глазели.

– Мне на них смотреть не хотелось.

– А я стресс снимал, – Коготь нервно дернулся, но машина при этом не вильнула ни на миллиметр.

Подъехав к шлагбауму, Коготь посигналил. Заспанный охранник выскочил на улицу, подошел к машине и взглянул в лобовое стекло. На лице появилась улыбка, шлагбаум взлетел вверх, и охранник, дурачась, отдал честь.

– Придурков набрали!

– Молодая поросль, – сказал Станчиков.

Джип въехал во двор. Тут Коготь уже не лихачил, кругом стояли дорогие тачки, так что даже их джип смотрелся дешевкой, и было видно, что приехали не хозяева, а обслуга. Коготь и Станчик подошли к тяжелой железной двери, снабженной прорезью из пуленепробиваемого стекла, и трижды позвонили. Над крыльцом вспыхнула лампочка, прорезь открылась, и в ней появилась пара глаз со сдвинутыми к переносице бровями.

– Свои, открывай!

– Даже менты своими называются, чтоб они все сдохли, чтоб под ними земля горела!

Тяжелая, как в бомбоубежище, дверь медленно повернулась на петлях, и Коготь с Станчиком вошли в узкий белый коридор, который кончался такой же массивной железной дверью, словно это был переходной тамбур на космической станции или в подводной лодке. Только заперев переднюю дверь, охранник направился ко второй.

– Где Полковник? – спросил Коготь.

– У себя. Пушки оставьте.

Коготь и Станчик подали пистолеты. В белой стене открылась панель, железная дверь рядом с ней являлась лишь декоративным камуфляжем. Забрав оружие, охранник пропустил Когтя и Станчика в следующий коридор, где было еще два охранника. Они сидели в креслах у маленького столика, на котором разместились пепельница, бутылка минералки и два стакана. Звуки ресторана сюда не проникали, как и дневной свет. Окна не было ни одного, как и плафонов в потолке, все освещали лампы, расположенные в нишах, поэтому коридор отсутствием теней напоминал операционную. Последняя дверь с виду была вполне обычной, покрыта дубовым шпоном с хромированными ручками. Но стоило лишь повернуть ручку и толкнуть дверь, как тут же ощущалась ее тяжесть.

Коготь и Станчик работали на Полковника уже четыре года, но все еще плохо ориентировались в планировке ресторана. С виду заведение небольшое, и, как внутри помещается такая уйма помещений, они не могли понять – колдовство, не иначе. Если бы они были знакомы с крито-микенской мифологией, то наверняка окрестили бы ресторан «Врата дракона» лабиринтом Минотавра.

Полковник сидел за большим круглым столом в одиночестве. Перед ним стояла бутылка дорогого вина и бокал, налитый до половины вином. Полковник смотрел на идеально отполированную поверхность стола, на которой отражался бокал с темно-красным вином.

– Смотри ты, вверх ногами стоит и не выливается!

Станчиков щелкнул каблуками по привычке, а не из желания угодить. Он нутром чувствовал, что Полковник сильнее его и душой и телом. Захоти он, щелкни пальцем, и голова Станчикова окажется в кустах, а тело исчезнет, не оставив и следа.

– Вижу, хорошо съездили, – Полковник поднял голову, посмотрел на башмаки Когтя. Тот тоже глянул, и ему стало не по себе: правый башмак был перепачкан кровью. – Ты бы ботинки почистил, Олег.

– Извините, недосмотрел, спешили очень.

– А смотреть следует, – он не пригласил своих головорезов сесть, они так и стояли, даже не прислоняясь к стене. – Ну что, узнали?

– Конечно, узнали, рельсы любого разговорят. Здорово вы придумали!

– Это народная мудрость. Короче, я вас уже давно жду.

– Спешили, – сказал Станчиков.

– Мне расписание поездов известно. Симферопольский? – криво улыбнулся Полковник.

– Он самый, ваш любимый.

– Я самолетами, мальчики, летаю или машиной езжу. Поезда – не моя страсть. Не люблю грохота вагонов, лязганья колес. И запах поездов мне не по душе, того и гляди, какую-нибудь дрянь под колеса кинут.

Коготь вытащил потрепанный блокнотик, в котором хранилось расписание, вырезанное из «Вечерней Москвы», вырвал листок и положил перед Полковником. Тот немного замешкался, затем дунул на бумажку. Та соскользнула со стола и спланировала на ковер.

– Ты бы мне еще в мешке голову привез. Вы, слава Богу, не в Афгане, а в России, мальчики.

Два сорокалетних мужика чувствовали себя нашкодившими школьниками. Они переминались с ноги на ногу, готовые согласиться с чем угодно.

– Рассказывайте, кого взяли, на кого вышли?

– Взяли мы, как говорится, лотошника, он по мелочевке торгует. Но что хотели, узнали. Через него на оптовика выйти можно, тот раз в неделю у ВДНХ в желтой «Ниве» сидит напротив цветочного ряда. Он ментам приплачивает, они его не трогают. Там лоточники товар получают.

– Понял. Откуда возят, сказал?

– Наш сказал, что, по его мнению, из Польши прут.

– Я так и знал, – провел ребром ладони по полированной поверхности стола Полковник и взглянул на свое отражение в зеркальной стене.

«И что в нем такого? – подумал Коготь. – Человек как человек, а скажет, глянет – позвоночник хрустеть начинает, словно на плечи мешок с песком взвалили, – он смотрел на профиль Полковника. – Ничего в нем примечательного, нос перебит, как у последнего пьяницы, но у него даже этот дефект выглядит благородно. Шрам во всю щеку, но это бабам нравится, мужественный, думают. Роста невысокого, мне по плечо будет, а поднимется из-за стола – гора горой. Но самое страшное, никогда голоса не повысит, и чем тише говорит, тем страшнее становится, все вокруг смолкают – и директора, и депутаты, и бандиты. Таких и менты уважают. Попади Полковник на зону, через три дня всех авторитетов построит. Дает же Бог людям силу! Наград у него как чешуи на рыбе. Однажды он китель надел, на кладбище шел, повезло ему, опоздал, на пять минут позже приехал. Котляковка вся разворочена, воют, орут, бегают, а он при медалях, все в дерьме, а он в белом. Постоял в сторонке, честь отдал, развернулся на каблуках, в машину и в город. Его даже менты не остановили, расспрашивать не стали. Окажись на его месте кто другой, вмиг на него все бы и повесили. Мол, почему на пять минут опоздал, небось знал, когда бомба рванет? Допытывались у Полковника на сорок дней, почему на пять минут опоздал. А он молчал, молчал, а потом и выдал: „Чуял я недоброе. Как на войне – лежишь и чувствуешь, сейчас снаряд прилетит. Отползаешь в другой окоп, снаряд прямо на твое прежнее место и падает“».

– Ты о чем думаешь? – резко обернувшись, спросил Полковник.

– О вас, – растерявшись, произнес Коготь.

– Ты про меня, парень, не думай, я о себе сам позабочусь. Ты о деле должен думать, я тебе для этого работу дал и за дело деньги плачу, а не за то, чтобы ты обо мне думал. До завтрашнего обеда отдыхайте, а к часу чтобы были здесь. Я помозгую. Все понятно?

– Да.

Коготь поднял бумажку, засунул в карман. Когда он выходил, Полковник окликнул:

– Ботинки почистить не забудь, а то ходишь, как мясник.

– Обязательно почищу.

Полковник знал, завтра Коготь будет стоять перед ним в ботинках, начищенных до блеска. Если он что-нибудь говорил, это исполнялось неукоснительно.

«Вино хорошее, – подумал Полковник. Он неторопливо допил вино. – Не может такого быть, чтобы я со своими ребятами и не прорвался! Главное теперь – не дать противнику поднять голову, не дать опомниться. Навалиться и придушить. Ехала машина темным лесом за каким-то интересом. Инте, инте, интерес...» – Полковник нажал кнопку.

Тут же в кабинет зашел один из сидевших в холле охранников:

– Звали? – вместе со словом у охранника изо рта вылетело облачко табачного дыма.

– Что в зале делается?

– Гуляют как всегда.

– У тебя на ком-нибудь взгляд остановился?

– Две дамы одиночеством маются.

– Проститутки?

– Упаси Бог, я бы про них вам и не вспоминал.

– Показывай.

Глава 2

Что может быть лучше утренней пробежки ранней осенью, когда улицы города еще полупустынны, когда машин на дорогах мало, а пешеходов почти не встретишь! В парках в это время лишь спортсмены бегают да собаководы со своими питомцами прогуливаются.

Глеб Сиверов бежал, дыша ровно, спокойно, глубоко. Под ногами шуршала первая золотая листва. В парке кое-где еще висела утренняя голубоватая дымка, шуршали метлами дворники, убирая дорожки, сгребая листья. А листья меланхолично продолжали падать. Глеб бежал трусцой, созерцая утреннее великолепие городской природы.

«Вот и кончилось лето, первое в моей сознательной жизни не только теплое, но и спокойное, без встрясок, передрыг, без нервного напряжения».

Сиверов почувствовал, что наконец-то после ранения весь его организм, каждая его клеточка, каждая мышца полны сил. Он напоминал себе капитально отремонтированный автомобиль, совершенный и прошедший все возможные испытания. «Мне давно не было так хорошо!» – думал он, сворачивая из парка на свою улицу.

«Хорошо становится лишь после того, как было совсем плохо, – с грустью подумал Сиверов, – к сожалению, только так и не иначе. Найти можно лишь то, что потерял. Ощутить счастье обладания – пережив потерю».

Недавнее прошлое вновь вторглось в мысли; сколько ни запрещал Глеб себе о нем вспоминать – не помогало. Особенно невыносимо становилось по ночам, когда сон улетучивался, а Сиверов боялся подняться, не хотел тревожить Ирину Быстрицкую. Лежа в постели рядом с любимой женщиной, простившей его, вернувшейся к нему, он вновь и вновь переживал то, что уже было невозможно изменить, и не понимал самого себя прежнего...

...Он помнил последнюю схватку с Илларионом Забродовым, произошедшую зимней ночью под заснеженным откосом шоссе. Помнил пронзительную мысль: «Я умираю!», когда перехватило дыхание от смертоносного удара в горло. Помнил, как померк свет луны и он окунулся в крошечную тьму.

Когда Глеб вновь открыл глаза и увидел свет, прошло две недели, но тогда он этого еще не знал. Казалось, смежил веки на несколько секунд. Сиверов сразу после ночного заснеженного шоссе увидел ровно побеленный потолок над собой, недостижимо высокий, как зимнее небо, с трудом перевел взгляд на окно. За тонированным стеклом на фоне легких перистых облаков сновали птицы. Тонкая прозрачная трубка соединяла его руку с капельницей.

«Где я? Почему не умер?» – боль, окатывавшая все тело горячими волнами, заставила тогда поверить Глеба в невозможное – в то, что он выжил.

Затем зашла девушка в белом халате (Сиверов притворился, что спит), молча сменила капельницу, поправила подушку и бесшумно удалилась.

На второй день с самого утра Глеба ждало еще одно потрясение. Тогда в палату вместе вошли генерал Потапчук и Ирина. Быстрицкая была бледна, накрашенные губы казались приклеенными к ее лицу. Правая рука Федора Филипповича покоилась на перевязи. Генерал ФСБ взялся за спинку кровати, словно боялся упасть от волнения.

«Я же выстрелил в него, а потом, когда вернулся, нашел его бездыханным и коченеющим на морозе... – вспомнил Глеб, перевел взгляд на Ирину, не выдержал, прикрыл веки. – Что я могу сказать ей? Ничего, что бы оправдало меня!»

Потапчук срывающимся от волнения шепотом проговорил:

– Глеб, честно признаться, я не думал, что ты выкарабкаешься. Ты не хотел жить, так сказал врач. Все объясню потом, когда ты сможешь говорить. Профессор разрешил нам зайти к тебе на пять минут, не больше. Ты в военном госпитале. Запомни, для всего медицинского персонала ты не Глеб Сиверов, по документам он погиб, а Федор Колчанов – майор Ханты-

Мансийского спецназа, попавший в засаду под Аргуном. Для «конторы» тебя просто нет. А теперь уступаю тебя Ирине, мы еще увидимся, если захочешь, конечно.

Женщина подошла к кровати. В ее глазах блеснули слезы.

– Зачем ты пришла? – беззвучно проговорил Глеб. – И зачем я выжил?

– Молчи, – прошептала Ирина, – да, я думала, что все уже решено и я никогда не вернусь к тебе. Даже поклялась себе, что если ты умрешь, то не приду на твои похороны, не смогу простить гибель дочки. Я похоронила тебя заживо. Мне даже стало легче, когда я узнала, что ты погиб. Это звучит жестоко, и это правда. Но...

Она прикрыла лицо ладонями.

– Не надо, – прошептал Сиверов.

– ...но потом приехал Потапчук и сказал, что ты жив, пришел в себя... и я поняла... это было как озарение свыше. Если Бог даровал тебе жизнь, значит, ты нужен ему тут, на Земле. Ты еще не все совершил, что тебе предначертано. Не знаю уж, доброго или злого... и я должна быть рядом с тобой, должна направлять тебя, у тебя должно быть место на Земле, куда можно возвращаться.

Ирина наклонилась, и из разреза платья выскользнул маленький серебряный крестик на тонкой цепочке. Качнулся, чиркнув Сиверова по лицу. Раньше Быстрицкая его не носила. Женщина быстро расстегнула застежку и надела крестик на израненную шею Глеба:

– Пусть он бережет тебя. Не снимай его никогда. У меня больше нет сил противиться судьбе.

Она поцеловала Глеба в лоб и выбежала из палаты. Потапчук показал на циферблат часов:

– Пять минут миновали. Держись. Потом все тебе объясню.

И это генеральское «потом» растянулось на два месяца. Сиверова успели перевести в подмосковный санаторий, он сносно ходил, опираясь на стильную палочку, подаренную ему Ириной.

Генерал Потапчук приехал один на черной «Волге», Глебу редко приходилось видеть его за рулем. Когда агент по кличке Слепой и Федор Филиппович остались наедине, они несколько минут молчали, глядя друг другу в глаза, припоминали прошлые смертельные обиды.

– Не жалеешь, что стрелял в меня на Воробьевых горах? – наконец спросил генерал.

– Ни тогда, ни даже теперь.

– Да, Глеб Петрович, ты был вправе думать, что я предал тебя. Потом я уже имел возможность детально проанализировать твое и свое поведение, тоже месяц в больнице отвалился, в потолок смотрел. Вот на белом потолке взглядом и писал, строчку за строчкой, по полочкам все разложил. Ты, Глеб, был прав со своей точки зрения, я – со своей. Каждый из нас знал больше другого, но никто не знал всей правды. Нас умело развели. Такова уж природа «конторы» под названием ФСБ. Никому нельзя всей правды знать, на том и стоим.

– Иногда не стоим, а лежим, – грустно усмехнулся Глеб Сиверов, – до сих пор не могу поверить, что вы живы остались. Я же артерию проверял, у вас кровь остановилась, дыхание пропало.

– И об этом я думал, – Потапчук не знал, куда пристроить руки от неловкости, – ты профессионал экстра-класса, убивать умеешь, а со стариком генералом оплошал. Почему контрольный выстрел в голову не произвел?

– Лишнее...

– Мы оба оплошали. Я – поскольку бронежилет не надел, думал, если ты уж и выстрелишь, то непременно в голову. А ты – даже не в сердце, в правое легкое мне пулю всадил. Рука у тебя дрогнула, не хотел ты меня убивать.

– Не хотел, – признался тогда Сиверов, – но по-другому не получалось.

– Я уже в коме находился, когда ты ко мне подошел. Сердце остановилось. Спасло меня то, что мороз стоял и шапка у меня с головы слетела, я головой в снег упал – природный холодильник. Если бы летом дело было, считай, пропал, откачать бы врачи откачали, но мозг не восстановился бы. Лежать бы мне теперь овощем и под себя нужду справлять. Мороз мне голову спас. Меня в больницу только через полчаса после остановки сердца доставили. Молодец и федеральный директор: когда ему доложили, он распорядился мое воскрешение засекретить, вроде как погиб я от твоей руки. Потому организаторов спецгруппы «Святой Георгий» так быстро и взяли.

– Развели нас с вами тщеславные генералы, Федор Филиппович, как последних лохов.

– Сами виноваты, – вздохнул генерал, – иногда надо не фактам, а сердцу доверять.

– За Быстрицкую вам спасибо, – Глеб опустил глаза, – это вы ее мне вернули.

– Не я, – усмехнулся генерал в седые усы, – Всевышний так распорядился. Видать, и мне и тебе помирать рано. А вам с Ириной еще долго вместе жить.

Потапчук порылся в кармане, извлек связку ключей.

– Твою конспиративную мансарду тогда при штурме разворотили и засветили. Держи ключи от новой, оформлена она как мастерская художника-живописца, ни одна живая душа о ней в «конторе» не знает. И пейзаж из окна открывается не хуже, чем в прежней.

– Вы уверены, что я и дальше буду с вами сотрудничать?

– Дело твое, Глеб. Неволить не стану. Сам решай.

– Подумаю, но ключи возьму сразу.

– Не держи на меня зла, – прочувствованно сказал генерал, – есть хорошее русское правило: кто старое помянет, тому глаз вон.

– Согласен. Кто помянет, тому вон. У нас с вами больше хорошего, чем плохого было. Не к чему прошлое ворошить.

– И вспоминать о нем незачем, – обрадовался генерал.

– Вспоминать – незачем, но помнить надо, – многозначительно произнес Глеб, и мужчины обнялись.

И потом уже никто из них не напоминал другому о несчастливой зиме, когда Сиверову пришлось стрелять в Потапчука. Глеб пошел на поправку. Он вновь ощутил вкус к жизни, которая дается человеку только один раз...

Прошли весна, лето. Боль в теле и в душе улеглась.

Утренняя пробежка – тоже часть жизни.

Черную «Волгу» с тонированными стеклами и антеннами спецсвязи Глеб заметил сразу же, как свернул в проезд. Машина стояла у тротуара, задняя дверь приоткрыта, водителя на переднем сиденье не было. Из салона тонкой голубоватой струйкой, хорошо различимой в утреннем свете, поднимался дымок. «Значит, что-то случилось, если Потапчук курит в такую рань и появился без предупреждения. Как он угадывает, дома я или нет? В конце концов, у него такая профессия – все знать. Не зря же он генерал ФСБ!»

Не сбрасывая скорость, Глеб пробежал мимо машины, специально, чтобы позлить Федора Филипповича. Тот от растерянности выронил окурочек. В ветровом стекле движущейся навстречу машины Глеб увидел, как генерал выскочил из своего автомобиля и от удивления раскрыл рот. Лишь после этого замахал руками, – так машет человек на льдине удаляющемуся вертолету, уже смирившись с тем, что летчик его не заметил.

Сиверов остановился, повернулся и несколько раз взмахнул руками, а затем вприсядку, как заправский спортсмен, двинулся к Потапчуку.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – глядя на Потапчука снизу вверх, произнес Сиверов и, не поднимаясь, подал руку.

– Издеваешься над стариком, разыгрываешь меня? Сделал вид, что не заметил?

– Важная машина, заметил сразу. Одну цифру в номере поменяли?

– Да, поменял, – сказал Потапчук, открывая дверцу. Глеб юркнул в машину. – Как ты думаешь, Глеб, почему я жду тебя здесь?

Сиверов пожал плечами:

– Это элементарно, Федор Филиппович. Такое утро, такая погода чудная, где же я могу быть, как не на пробежке? Кстати, зря вы с утра курите.

– Не хотел, – признался Потапчук, – думал, продержусь часиков до двенадцати. Но ты долго не появлялся, я занервничал, закурил.

– Что стряслось?

– Собственно, пока ничего не стряслось, хотел тебя увидеть.

– Вы меня вчера видели.

– Видел, – сказал Потапчук, – вот поэтому я сегодня здесь.

– Где ваш водитель, Федор Филиппович?

– Я его за газетами отправил, что-то долго его нет.

– Те газеты, что мне нужны, только за два квартала отсюда можно купить.

– Ему полезно пешком ходить, совсем спортом не занимается. Прилипнет скоро к сиденью. У меня такое впечатление, что он живет в этой машине, скоро тараканов здесь разведет. Крошки вечно от печенья валяются, пепел от сигарет, хотя говорит мне, что не курит.

– Почему вы его к порядку не призовете?

– Понимаешь, чем он хорош, Глеб, так это тем, что он в любой момент в машине; когда бы я ни позвонил, он тут же отвечает. Другого такого мне не найти. А сам я водить отвык, не та реакция, да и по должности не положено.

– Понятно, – сказал Сиверов, поглядывая, как пальцы генерала вертят портсигар, постукивают по серебряной крышке. – Ладно уж, курите, я потерплю, можете не стесняться.

– Не стану, надо вырабатывать силу воли.

– Может, правильно, – пошутил Сиверов.

Генерал перешел к делу:

– Помнишь Смирнова Семена Семеновича, майора?

– Смирнов, – медленно проговорил фамилию Сиверов. – Это было так давно, что нормальный человек забыл бы его еще пять лет тому назад.

– Значит, помнишь, – подытожил Потапчук. – Как он тебе?

– Тогда был нормальный, на четыре с плюсом. Но тогда время было другое, условия иные и люди были другими. Прошли годы, вроде не так уж и много, но многое изменилось и люди изменились, хотя, генерал, я думаю, что человек не очень меняется. Просто некоторые черты характера он перестает прятать, они начинают вести его, а другие черты характера гаснут. Но все равно они в человеке остаются. И если человек был мерзавцем хоть на один грамм, этот грамм в нем сидит, как осколок в сердце, и никакие операции не помогут, воспитывай его не воспитывай. Но я что-то расфилософствовался, – остановил сам себя Сиверов. – Вы же не с этим приехали?

– Именно с этим. Мне было важно знать, помнишь ли ты Смирнова, твое мнение о нем мне небезынтересно.

– Я вас в чем-то укрепил, Федор Филиппович?

– Скорее да, чем нет.

Спрашивать у генерала его мнение о бывшем подчиненном Сиверов не стал, хотя позволить себе подобный вопрос мог. Генералу не мог нравиться майор, ушедший со службы по собственному желанию. Смирнов же написал рапорт, из которого ровным счетом ничего не было ясно – по семейным обстоятельствам. Что стоит за формулировкой «семейные обстоятельства»? Может стоять все, что угодно: и жажда денег, славы, и неудовлетворенность существующим положением, и ощущение собственной ущербности. Если человек написал рапорт,

то уговаривать его остаться – дело гиблое, навредишь сам себе, ведь полагаться на такого человека уже нельзя.

– Я Смирнова, Глеб, пять лет не видел и ничего о нем не слышал – ни хорошего, ни плохого. Ушел человек из конторы и исчез, – Потапчук секунд двадцать молчал, вертя в руках отполированный пальцами портсигар. – Но я не верю в случайные встречи.

– Я тоже не верю, Федор Филиппович, – сказал Сиверов.

– И вот три дня тому назад я случайно встретил майора Смирнова...

* * *

За три дня до встречи генерала Потапчука с Глебом Сиверовым произошло на первый взгляд малопримечательное событие. Это потом оно разрослось до размеров лавины. Погода тогда стояла отличная, не в пример последним дням лета, когда жара мучила город. Прошли дожди, появились первые желтые листья и наступили идеальные дни – ни жарко, ни холодно, ни влажно, ни сухо, воздух такой, что его просто не замечаешь.

Федор Филиппович, не изменяя многолетней привычке, приезжал на службу даже в выходные. Но воскресенье, в отличие от субботы, для работы он использовал лишь наполовину – до обеда. Покончив с бумагами, Потапчук доехал до набережной и отпустил дежурную машину. По выходным его возил сменный водитель.

– Я пешком дойду, не беспокойся, телефон при мне.

В парке на набережной реки слонялось много праздной публики. Генерал шел не спеша, расстегнув плащ. Абсолютно пустой портфель он нес с достоинством, словно в нем хранились чрезвычайно важные документы. В пальцах Федор Филиппович разминал незажженную сигарету, убеждая себя в том, что этим он укрепляет силу воли. Генерал потихоньку высыпал табак из сигареты, при этом сердце его обливало кровью. Он представлял себе сигаретный голубоватый дымок и то, как он глубоко затягивается. Сегодня Потапчук еще не выкурил ни одной сигареты. «Табака, который я высыпал, хватило бы уже на две затяжки. Дойду вон до той лавки, сигарету выпотрошу ровно наполовину и покурю. Не целую, половинку. Может, лучше спрятать половинку в портсигар и достать новенькую, размять, а половинку выкурить вечером?»

Пальцы Потапчука замерли. Он прикрыл конец сигареты, чтобы ни одна крупинка табака из нее больше не выскользнула, остановился, раскрыл портсигар и, держа его как молитвенник, вставил сигарету под резинку.

«Воздух-то какой! Кончатся последние хорошие денечки, а там начнутся дожди, дождливая осень, мрачная – такая, что жить не хочется. И, как обычно, осенью случается самая тяжелая работа», – Потапчук вздохнул и посмотрел на воду реки, по-осеннему голубую и яркую.

Если все лето, глядя на воду, ему хотелось искупаться, то теперь это желание исчезло, вода отталкивала. Не спеша Федор Филиппович добрал до скамейки и устроился на ней. Любимый портфель положил на колени. Мимо пробежала девочка лет девяти, ее увлекла за собой такса на длинном поводке. Девочка обернулась на неподвижно сидящего Потапчука. Генерал улыбнулся ребенку, и улыбка получилась не вымученная, а искренняя. Девочка, не останавливаясь, улыбнулась в ответ и помахала старику ладошкой.

– Пора на пенсию, – усмехнулся в седые усы генерал, доставая сигарету. Он все еще раздумывал, прикурить или нужно еще потерпеть. Он сжал фильтр губами, и тут раздался легкий щелчок, сопровождаемый металлическим звоном.

– Прикуривайте, – огонек бензиновой зажигалки плясал перед глазами генерала.

Знакомый голос. Федор Филиппович был уверен, что не слышал его уже лет пять. Он механически прижал портфель рукой к коленям и повернул голову. Рядом со скамейкой, широко расставив ноги, стоял хорошо одетый мужчина с короткой, аккуратно подстриженной

бородкой. Мужчина улыбался немного виновато, понимая, что побеспокоил непростого человека.

– Вы что, не узнаете меня, Федор Филиппович?

– Чего ж, узнал, Семен Семенович.

– Раньше вы меня по имени-отчеству не называли.

– Ты же теперь солидный человек, щетину запустил, как у Хавьера Соланы. В бизнес ушел?

– Не совсем так, Федор Филиппович. Разрешите присесть?

– Разрешаю. Садись, Смирнов, – генерал забросил ногу за ногу, помолчал. – Я в случайные встречи не верю, – проговорил Потапчук.

Майор Смирнов рассмеялся:

– Вы прежний, анализируете, высчитываете, под все базу подводите, или это тоже рудимент – бесполезная в сегодняшних обстоятельствах старая привычка? Вы не на пенсии?

– Я на пенсионера похож, раз по парку гуляю?

– Пенсионеры гуляют или с собаками, или с внуками, а вы с портфелем.

– Портфель ни о чем не говорит, – Потапчук снял с портфеля ладонь. – Может, я в него пустые бутылки собираю или в бизнес подался, как и ты.

– У вас глаза другие, с таким взглядом в бизнесе делать нечего.

– Это почему? – удивился генерал.

– Вы человека, когда на него смотрите, догола раздеваете, как при обыске. Бизнесмены таких взглядов не любят.

– При обыске, – напомнил Федор Филиппович, – опись составляют, все содержимое кошелька переписывают. Бизнесмены тоже деньги в чужих кошельках считают.

– Э, нет, – повертел указательным пальцем майор Смирнов, – считать-то они считают, но никогда вопроса не задают, где деньги взял. И тем более не спрашивают, не краденые ли они.

– У тебя денег в кошельке не очень много.

– Согласен, денег никогда много не бывает. Но мне и моей семье хватает.

– Выследил ты меня, Семен Семенович?

– Признаться, да. Третий день тут гуляю, свежим воздухом дышу. А человек я, между прочим, занятой, времени свободного у меня мало.

– Что ж не позвонил? Телефон у меня не изменился.

– Боюсь, – честно признался майор, – да и не все я до конца понимаю. Я на вас смотрю, Федор Филиппович, и нутром чую, вы человек счастливый.

– Почему?

– Вы на своем месте находитесь, отсюда и счастье. А я хоть и больше вас получаю и одет получше, позволить многое себе могу, но счастья нет, потому что я не на своем месте оказался.

– Тебя никто в шею на улицу не гнал.

– Но никто и не удерживал, – в сердцах произнес Смирнов и хлопнул ладонью по колену. – Я не с обидой пришел, не с претензиями, хотя вы, Федор Филиппович, всего и не знали.

– Смотрю, Смирнов, счастье свое ты так и не отыскал.

– Не там я его искал.

– Счастье везде найти можно.

– Не в нем суть. Работу я себе нашел, как думал, неплохую. Работа – она, как любимая женщина, поначалу нравится...

– А потом начинаешь недостатки в ней отыскивать, – вставил Федор Филиппович.

– В моем случае по-другому произошло: я недостатки наперед видел, но думал, если я человек честный, то честным и останусь. А деньги – они субстанция сволочная, втягивают

потихоньку. Один раз совестью поступился, второй, третий, а там, смотришь, и дороги назад уже нет.

– Ты, Смирнов, считаешь, что эту черту уже переступил?

– Не хочу переступать, потому и вас отыскал. Ушел я работать потому, что мне деньги нужны были, детей хотел поднять, чтобы жене немного полегче стало. И скажу вам, Федор Филиппович, честно, все это у меня получилось. Может, вы торопитесь, я вас задерживаю, не нужны вам мои проблемы?

– Нет, говори, Смирнов. Только самая большая проблема у меня сейчас – не закурить, а ты мне, сволочь, огонек поднес, – слово «сволочь» Потапчук произнес беззлобно, ничуть не обидев Смирнова.

– Хотел услужить.

– Рассказывай дальше.

– Я работу несколько раз менял, все не хотел в дерьмо вляпаться. Но всякая работа, связанная с большими деньгами, она дерьмо сама собой предполагает. Я этого раньше не понимал, сейчас наверняка знаю, что чем больше денег платят, тем больше дерьма за теми деньгами.

– Это все теории. А ты знаешь, Смирнов, я – генерал-практик. Тебе от меня, собственно, что нужно? Если душу излить хочешь, я не очень хороший помощник. Есть телефон доверия, в конце концов, можешь с квалифицированным психологом поговорить. А если знаешь о каком-нибудь преступлении, то говори напрямик.

– Федор Филиппович, не торопите, по порядку буду излагать. Три работы я поменял, меня заметили. Третью, теперешнюю, уже сами предложили, я ее не искал. Навели справки по предыдущим делам, выяснили, что я человек надежный, не краду, лишнего не болтаю.

– Кое-чему я тебя, Смирнов, все-таки научил.

– Да уж, спасибо, Федор Филиппович, научили неразумного. От денег отказаться ох как тяжело, особенно если тебе их заработать предлагают, а не за преступление.

– Преступление – оно тоже работа, и ты, Смирнов, это не хуже меня знаешь, ведь не одно дело вместе раскрыли.

– Да, Федор Филиппович, знаю. Год назад меня переманили. Если человек зарабатывал сто пятьдесят долларов, а ему предложили сто семьдесят, он уйдет с радостью, не задумываясь. А если человек зарабатывал пять тысяч долларов, а ему предложили пять двести, он даже пальцем не пошевелит, какие бы перспективы ему ни посулили.

– Ну, это дело понятное, – сказал Потапчук, поглядывая на сигарету, словно она уже тлела в его пальцах.

– Так вот, мне со ста пятидесяти долларов, конечно выражаясь фигурально, предложили пять тысяч.

Потапчук негромко присвистнул, постучал фильтром сигареты по портсигару:

– Хорошие деньги, выражаясь фигурально. В моем кошельке никогда столько не водилось.

– А у меня и поболее бывало, случалось, деньги чемоданами возил, чужие, конечно.

– Чемодан денег – вещь серьезная.

– Первое время я офис охранял, службу хорошо наладил, ко мне присматривались. Фирма продовольствием торговала, консервами, соками, конфетами, печеньем – тем, чем заважены киоски по всему городу. Вызвал меня как-то раз к себе босс, дверь в кабинет закрыл, подмигнул многозначительно и говорит: «Ты большие суммы денег спокойно воспринимаешь, руки не дрожат, ноги не подкашиваются?» – «Не знаю, – говорю, – я больше пяти тысяч в руках не держал». Он открывает шкаф, достает коробку из-под ксерокса, а там, хотите верьте, хотите нет, до самого верха в целлофане запечатанные пачки долларов полтинниками. «Фальшивые?» – спрашиваю. «Нет, – говорит, – самые настоящие». – «Почему не в сейфе держите?» А он смеется, говорит: «В сейф ящики из-под ксерокса не влезают». Посмотрел он на меня,

видит, руки не трясутся, пот на лбу не выступил. «Молодец, – сказал, – спокойно ты к деньгам относишься». При мне скотчем коробку заклеил. «Бери, – говорит, – коробку и отвезешь ее в Смоленск», – и адресок подает. Я смутился, говорю, мол, расписку дайте. «В чем? – улыбается. – Деньги же ты получил. В бизнесе только честному слову верить можно, расписки здесь не действуют. Сумма такая, что за нее голову оторвут и тебе, и мне. Так что вези коробку. Я тебе ее из рук в руки дал, и ты из рук в руки отдашь. И привет от меня передавай. Оттуда сразу позвонишь. Вот трубка», – и кладет мне в карман сотовый телефон. «Ребят, – говорю, – надо взять». – «Возьми с собой двоих, в туалет с коробкой не пойдешь, если приспичит? Бери машину в гараже и вези». Обомлел я, но виду не подаю, коробку взял, пришел в свой кабинет с картонкой. Боюсь ее оставить, не знаю, куда деть – под стол засунуть, в шкаф спрятать? Намучился я, но привез. Всю ночь гнали, за рулем менялись. Деньги отдал, позвонил боссу, а он смеется, говорит: «Бери деньги, вези их назад в Москву». Вы меня, Федор Филиппович, еще одной вещи научили – никогда лишних вопросов не задавать. Удивился я, но снова виду не подал, взял коробку и повез в Москву. Босс меня встретил, разрезал упаковку у меня на глазах, вытащил две пачки, бросил на стол. Говорит: «Это тебе за труды». – «Какие труды, – говорю, – на машине в другой город туда и обратно слетать?» – «Волнение большое, – говорит босс. – Теперь я знаю, человек ты надежный». С тех пор я уже не офис охранял.

– В личные телохранители тебя записали? – поинтересовался Потапчук.

– В том-то и дело, что нет. Вроде как на понижение я пошел. Телохранителей у босса хватает, от бывшего президента двое, без дела оставшиеся, работают. Стал я грузы охранять, сопровождение фур обеспечивать. Поначалу возили из Германии, Чехии, Франции, Бельгии, и все шло хорошо. А потом с боссом что-то случилось. Так он мужик ничего, справедливый, хотя и молодой – тридцать пять ему. То ли он попался на чем-то, то ли влетел, но появился у него компаньон – человек из другого теста. В продуктах он – ноль полный. Попросил я ребят, по старой памяти, навести о нем справки. Оказалось, сидел, не ошибся я. Он один из первых в Союзе сел за наркотики.

Потапчук слушал внимательно, вопросов пока не задавал.

– Я был уверен, фирме концы придут, накрыли ее бандюганы, выпотрошат и бросят. Я с боссом пару раз разговоры заводил на эту тему, намекал ему вежливо, предупредить хотел, – мне-то он ничего плохого не делал. А он мне и говорит: «Ты, Семен Семенович, сиди как сверчок на шестке, делай свое дело, а в большие дела не лезь, в накладе не останешься». И, странное дело, поднялась фирма, а на чем, понять не могу. Ассортимент свернули до минимума: если раньше в месяц десять караванов за кордон шло за харчами, то теперь два – по три машины в каждом. И возим мы лишь мороженое мясо – свинину да говядину. Если раньше за товар наличными деньгами рассчитывались, то теперь нет, все через банки делается, наверное. Во всяком случае, ни меня, ни моих подчиненных к деньгам не подпускают, но платить, Федор Филиппович, стали в три раза больше. Чувствую я, нюх-то у меня еще не пропал, большие деньги за мясом стоят, очень большие, а фирма босса – только крыша.

– Ты что-нибудь конкретное разузнать сумел?

– Я же не у вас в конторе работаю, – грустно усмехнулся майор Смирнов. – Я даже до сих пор не уверен, правильно ли делаю, что вас отыскал, разговор завел. Получается, сук рублю, на котором крепко сижу.

– Получается так...

– Я, Федор Филиппович, старался ни во что не влезать, думал, какое мне до всего этого дело? Ну, платят мне деньги, я никого не убиваю, наркотиками не торгую, оружие не вожу, девок в рабство не продаю и не ворую. Но совесть-то молчать не заставишь. Спать стал плохо...

– Получается, рубишь сук, на котором сидишь, – как похвалу произнес генерал Потапчук.

– Я кое-что понял, но доказательств у меня нет. Я знаю, что люди, которые пробовали сунуть нос в дела фирмы «Новиков и К», просто исчезли, испарились, пропали, будто их нико-

гда и не было. И никто их не ищет. В подъезде их не убивали, машины не взрывали, пропали люди и все.

– Любопытно, – сказал Потапчук, посмотрел на часы и протянул руку. – Дай-ка зажигалку.

Генерал закурил, жадно и глубоко затянулся, расправил плечи, запрокинул голову.

– Вот оно, счастье-то, Смирнов: не покуришь, а потом позволишь себе расслабиться. И так тебе хорошо становится, что ни о бандюганах думать не хочется, ни о чужих миллионах. Сидишь себе на лавочке в парке, и совесть тебя не мучает.

– Вам хорошо, – закурил Смирнов уже которую по счету сигарету. – А я мучаюсь. В-первых, людей жаль, которые пропали, во-вторых, боюсь, еще кто-нибудь пропадет, а у них семьи, дети.

– Твои-то как? – поинтересовался Потапчук.

– Я их поднял, теперь почти самостоятельные. С женой вдвоем живем – как в отпуске. Приходят к нам дети только по праздникам, денег перехватить, – после паузы добавил Смирнов. – Женой и детьми я доволен, но с работой у меня явно не заладилось.

– Сам выбирал.

– Я, Федор Филиппович, собрал кое-какую информацию: адреса, фамилии, фотографии некоторые сделал. Сегодня вечером я уезжаю в Польшу, дня через три-четыре вернусь. Теперь я знаю, что искать, и, когда вернусь, доказательства вам представлю.

– Не мне тебя учить, смотри. Тогда сам свою судьбу выбирал и теперь выбираешь.

– Я понимаю, назад меня в контору не возьмут.

– Кто знает, – сказал Потапчук и посмотрел на часы.

– Спешите? Время у вас забираю? Телефон ваш у меня есть, – Смирнов постучал согнутым пальцем по лбу. – Я хотел убедиться, не изменились ли вы.

– Убедился?

– Вы, Федор Филиппович, – прежний.

– Только постарел.

– И я не помолодел, – усмехнулся Смирнов.

– Ты тоже прежний, майор, – впервые генерал Потапчук произнес звание Смирнова, от этого тот расцвел.

– Обязательно узнаю, что там происходит.

– Удачи тебе, майор, – генерал поднялся, пожал бывшему сослуживцу руку и неторопливо пошел по набережной.

Метаморфозы, произошедшие со Смирновым, Федора Филипповича ничуть не удивили. Что так случится, он знал в тот день, когда подписывал рапорт майору Смирнову. Уходил Смирнов не в том возрасте, когда меняют убеждения. Если человек уже сложился, сломать его невозможно.

Потапчук обернулся. Смирнова уже не было на набережной.

* * *

Глеб Сиверов был не из тех людей, которые любят откладывать дела в долгий ящик. Разговор о том, помнит ли Глеб майора Смирнова, генерал Потапчук завел не случайно, это Сиверов понял сразу, имея многолетний опыт общения с Федором Филипповичем. Тот, прежде чем говорить, сто раз взвешивал; оброненное им слово всегда имело вес и стоило дорогого, особенно после того, как их со Слепым чуть не погубили такие же генералы спецслужб, как и сам Федор Филиппович. Поневоле задумаешься, что говорить, если случайно оброненное слово может обернуться собственной смертью. Даже не смертью, а жестокой казнью, и палачом

по иронии судьбы выступит человек, еще недавно называвший тебя единственным настоящим другом.

«О былых разногласиях – забыть, – приказал себе Слепой, – мы больше не враги друг другу. Кто старое помянет, тому глаз вон. Из неудач и трагедий следует извлекать опыт, учиться, как избегать их в дальнейшем. Значит, так, – сказал себе Глеб, расхаживая по новой мансарде, как две капли воды напоминавшей старую, – золотое правило, которому научил меня Потапчук после операции по ликвидации спецподразделения «Святой Георгий»: входя в дверь, подумай, как оттуда выйти. Насколько я понимаю, Смирнову этого правила он в голову не вдолбил, тот ушел из «конторы» в частную структуру, соблазнившись на деньги, но не подумал о том, что если деньги платят, то за них потом и спросят. А если денег больше, чем работы, которую ты выполняешь, значит, тебя заставят делать не только работу. Все же, что не является работой, – это либо удовольствие, либо преступление. За удовольствие платит сам клиент, за преступление платит заказчик. Значит, нужно искать заказчика».

У Глеба Сиверова, как у азартного карточного игрока при виде карточной колоды, зачесались ладони, словно он уже ощутил кончиками пальцев твердый атласный прямоугольник и услышал хруст новых разминаемых карт.

«Фирма „Новиков и К“... Свою фамилию в название фирмы вставляют или очень самолюбивые неудачники, или по-настоящему крутые. Кто же ты такой, Новиков? Твоя фамилия распространенная, почти как Смирнов, из второго эшелона русских фамилий, она следует за Ивановыми, Петровыми и Сидоровыми. Значит, ты, Новиков, решил либо прославиться и увековечить свою фамилию на скрижалях истории, либо тебя выставили вперед, спрятавшись за коротким „...и К“».

Глеб включил компьютер, ввел личный пароль. Вскоре он отыскал информацию о фирме. Ее было немного, только официальная, но Глеб знал, куда следует обратить внимание для того, чтобы понять тайное движение средств: на динамику, на развитие фирмы во времени.

Сначала она называлась и была зарегистрирована как «ЗАО Новиков». Дела шли неплохо, ровно, но без особого размаха, а два с половиной года тому назад, в декабре, произошла перерегистрация фирмы. Форма собственности осталась прежняя – закрытое акционерное общество, – но к фамилии Новиков добавилось «и К». И тут произошло нечто похожее на чудо – физические обороты компании, выраженные в тоннах грузов, в количестве сделок, упали, а финансовые возросли в несколько раз, это прослеживалось по покупке недвижимости. Шикарный новый офис не в центре, но и не на окраине, для сотрудников – служебные квартиры, которые потом преспокойно отходили им в собственность. Фирма продавала приобретенные ранее в лизинг трейлеры с фурами, оставив себе лишь треть подвижного состава, – только мерседесовские рефрижераторы, купила небольшой склад со стационарным холодильным оборудованием.

«Обычно, – думал Глеб Сиверов, – фирма никогда не выставляет свои финансовые потоки на обозрение. В цифрах, до которых можно докопаться, показано лишь верхнее течение, а существует еще и подводное. Мне не важно, за сколько по бумагам был приобретен офис, достаточно посмотреть на его площадь и на место расположения, истинная стоимость превышает указанную раз в десять. Но я его еще не видел. Может, здание – полная развалюха, а может, в нем изначально стояли унитазы из золота. Во всяком случае, это уже интересно. Где начинаются непонятные дела, там всегда интересно, каждая неразгаданная тайна может быть и чудом, и преступлением. А вот и самое интересное: пока фирма называлась просто «Новиков» претензий от налоговых служб к ней была масса – налоги скрывали, платили не вовремя. Но стоило появиться «и К», как фирма тут же получила благодарственное письмо и диплом от налоговой полиции и от столичного правительства. Таинственная компания «К» – инкогнито. Уж не члены ли правительства вошли в эту компанию, после чего в фирме перестали бояться налоговиков – а это покруче, чем дьявол во плоти. Смирнов не просто так заподозрил

недоброе, глаз-то у него наметанный. Представляю себе его мучения. Ему не хочется видеть, что происходит вокруг, но себя не обманешь. Профессионалом трудно стать, но еще труднее совершить движение в обратную сторону. Меня тоже, как и генерала Потапчука, только могила исправит. Правильно Потапчук унюхал, что-то здесь нечисто. «Род занятий, – прочел Глеб справки о фирме «Новиков и К», – поставка экологически чистых мороженой свинины, говядины, баранины из стран Центральной и Западной Европы». Круто! Как будто у нас свиней и коров мало. Они, конечно, не очень чистые, но снаружи, а не изнутри».

Глеб взял трубку мобильного телефона и набрал номер, указанный в справке. К телефону долго никто не подходил. Так в нормальных фирмах не бывает, может не отвечать телефон владельца, телефоны отдельных внутренних служб, но человек, сидящий на справке, трубку возьмет мгновенно. Сиверов ожидал услышать мелодичный девичий голосок: «Фирма «Новиков и К» рада, что вы обратились к нам». Но ответил омерзительный голос, впечатление было таким, что человек пил пиво, а его оторвали от этого приятного занятия.

– Слушаю, говорите.

– Это фирма «Новиков и К»?

– Да, а что?

– Вы мясом торгуете?

– Торгуем.

– Мой работодатель поручил мне найти экологически чистое мясо и заключить договор сроком на год на поставку ста килограммов в неделю, в будущем возможна пролонгация.

Мужчина на другом конце провода неприязненно произнес:

– У нас очень дорогое мясо.

«Такое впечатление, – подумал Глеб, – будто он хочет меня отговорить от заключения сделки. Странное поведение для менеджера!»

– Дорого – понятие относительное. Если качество нас устроит, то разумная цена значения не имеет, у нас дорогой ресторан.

– У нас очень дорого.

Глебу казалось, что на том конце провода мужчина широко улыбается.

«Я бы на его месте, – подумал Глеб, – зарядил цену, а потом вдул бы по ней самое что ни на есть плохонькое смоленское мясушко, показав при этом пару поддельных сертификатов».

– Извините, у меня очень мало времени, – напомнил мужчина, выждал пару секунд и, не прощаясь, отключил связь.

Сколько Глеб потом ни пытался дозвониться по этому номеру, непременно звучал сигнал «занято».

– Еще интереснее, – усмехнулся Сиверов.

Он позвонил еще по двум номерам фирмы с тем же предложением.

В фирме «Новиков и К» с ним разговаривали достаточно вежливо, но сдержанно.

В конце концов ему сказали:

– У нас весь ассортимент расписан в ближайшие месяцы по договорам, так что ничем помочь вам не можем, пожалуйста, не беспокойте.

«Мясо – прикрыtie, – понял Глеб. – Человек, собирающийся его купить, им помеха. Хоть бы вели себя не так нагло, попристойнее, видимость бы создали, будто они очень заинтересованы в покупателях. Что ж, если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету».

Сборы заняли четверть часа. Кожаная спортивная сумка потяжелела, но выглядела почти пустой.

«Чего не хватает? – подумал Сиверов. – Оружия, конечно же. Сегодня оно мне не понадобится, хотя, как говорят бывалые люди, не зарекайся. Мощный небольшой немецкий бинокль, вмещающийся в ладони, прибор ночного видения, фотоаппарат – вот, собственно, и все».

Глеб сбежал по лестнице с мансарды, подумав: «Когда-нибудь и я, как генерал Потапчук, не смогу преодолеть эти марши на одном дыхании. Что ж, когда придет это время, надеюсь, я буду тогда заниматься чем-нибудь приятным, а не рыскать по городу в погоне за преступниками, выполняя задание генерала Потапчука, буду мирно, как Шерлок Холмс, разводить пчел или выращивать орхидеи. И буду гордиться тем, что мед у меня лучше, чем у соседа, а таких цветов, как в моей оранжерее, нет ни у кого. Буду участвовать в престижных выставках, получать дипломы и медали».

От этих мыслей Сиверов развеселился. В машину он садился уже с улыбкой на лице. Спортивная сумка лежала на переднем сиденье, как верный пес, готовая прийти на помощь хозяину по первому зову. Когда Сиверов оказался на нужной улице, на номера домов можно было не смотреть, потому что фирма «Новиков и К» выделялась из общей застройки так, как выделяется золотой зуб во рту уголовника.

«Да, красиво, – подумал Глеб, проезжая мимо офиса по противоположной стороне улицы. – Ночью, наверное, его подсвечивают, как на Монмартре. Кучеряво живут! Но если есть средства, что ж, живи как хочешь, плати налоги и спи спокойно. С налогами у «Новиков и К» все в ажуре, снотворное они наверняка не закупают».

Возле фирмы за шлагбаумом располагалась специальная стоянка со стеклянной будкой охранника и высоким кованым забором.

«Ни одной машины старше трех лет на стоянке нет, – сразу же определил Глеб, – одна тачка круче другой. Кожи на обивку сидений пошло с целого стада молодых коров. Тут тебе и „Пежо“ последней модели, и две „Хонды“ представительского класса, и три „Мерседеса“, один даже „Мерседес брауз“, четыре джипа, две красных „Тойоты“».

Новенький «Фольксваген В5» выглядел совсем не презентабельно. Сиверову показалось, что на нем в фирму приехал последний человек в иерархии – охранник, тот самый, который сидит в стеклянной будке с коричневой сигаретой в пальцах. Видеокамеры были распаханы повсюду, где только можно: на фонарных столбах, под карнизами, над служебным входом и над парадным. Даже стоянку осматривали две телекамеры.

«А антенн-тарелок больше, чем на космической станции. Да, крутая фирма. Все стекла зеркальные, скорее всего пуленепробиваемые. И самое интересное – ничего через них не видно».

Глеб просидел полчаса. За это время ни один посетитель не вошел ни в парадную, ни в служебную двери. Из здания вышли двое: по виду сотрудники, с кейсами в руках. Один сел в «Мерседес», второй – в джип. Охранник, не спрашивая документы, поднял шлагбаум.

«Сотрудники, – решил Сиверов, – свои».

Глеб выбрался из машины и двинулся вдоль кованого забора, краем глаза следя за телекамерами. Голова охранника в стеклянной будке поворачивалась вслед за ним, как глаз хамелеона. «Сейчас шею себе свернет, – незлобно подумал Сиверов, – молодец, службу тянет». Вскоре и две телекамеры стали провожать его взглядами. «По этому тротуару вроде даже люди не ходят, такой он чистый. Европа, мать твою, – «Новиков и К», ни окурка, ни соринки под ногами. Кондиционеров под окнами и на балконах нет, значит, система кондиционирования централизована, все находится внутри. В этом здании с трудом узнается дом, построенный пленными немцами году в сорок шестом. Чтобы так отстроиться и отремонтироваться, а самое главное – оборудоваться, денег надо очень много. Сделано все грамотно, в глаза ничего не бросается, не привлекает внимания своей вопиющей роскошью. Смахивает на маленький секретный научный институт, у которого дела идут как нельзя лучше, заказов от ВПК выше крыши, только успевай осваивать огромные деньги».

В здании имелось еще два входа со скромными надписями «Подъезд № 2» и «Подъезд № 3». Добротные урны из нержавеющей стали, вынесенные на улицу вазоны с живыми деревьями. «Дворовой фасад ничем не хуже парадного».

Сиверов огляделся. Прямо по газону брели два мрачных мужика в помятых пиджаках, один из них нес старомодный портфель из кожзаменителя, который никак не вязался с его ярко-красной бейсболкой, повернутой козырьком назад, над козырьком блестела лысина. Взгляды у мужиков были ищущие. Ошибиться в том, что именно они ищут, было невозможно: мужики то и дело облизывали пересохшие губы.

Сиверов сделал пять шагов, чтобы оказаться на пути у алчущих спиртного мужчин.

– Эй, земляк, я этому уроду говорю, что магазин в той стороне, а он твердит, как баран, что магазин здесь был.

Какой магазин, уточнять не стоило, мужики могли и обидеться.

– Приехал, придурок, из Калуги, пять лет тому назад последний раз здесь был и думает, будто Москву знает. Да здесь сам черт ногу сломит! – мужик, не очень твердо стоявший на ногах, схватился за кованую решетку и тут же обрел равновесие.

– Беленькой полечиться? – спросил Сиверов.

– Угу, – как филин отозвался мужик в бейсболке. – Хочешь, третьим будешь? – сказал он без особого энтузиазма, потому как Сиверов хоть и одет был просто, но на пьяницу не походил.

– Сюда зайти не пробовали? – Глеб через плечо указал большим пальцем на «Подъезд № 2» фирмы «Новиков и К».

– Я же говорил, что магазин здесь был! – взвился приезжий из Калуги. – Сделали ремонт по типу «евро», теперь не поймешь, что здесь такое. Но раз деревья на крыльце стоят, значит, магазин, только дорогой, наверное.

– Водка везде одинаково стоит, – подбодрил их Сиверов.

– Дело говоришь.

Мужики, обнявшись, двинулись к «Подъезду № 2». Они шли так, как двое изможденных жаждой путешественников бредут по пустыне к вожделенному оазису, зная, что там отыщется спасительная влага. Телекамера вздрогнула и уставилась своим рыбьим глазом на двух пьяниц. Один уже достал из кармана мятые деньги и принялся их перебирать, выдергивая те, которые достоинством побольше.

Мужики успели взобраться на три ступеньки, когда дверь резко открылась и на площадке вырос охранник в белом костюме, белой рубашке, при галстуке, с аккуратным бэджом.

– Я не понял, – замер мужик в кепке, – здесь ресторан, что ли? Эй, мужик, почему у вас водка?

– Значит, ресторан, – не дождавшись ответа, развел руками обладатель красной бейсболки. – Нам по хрен, что в ресторане пить, что во дворе. Если у них наценка не больше двухсот, то мы и выпьем по двести.

– Я же тебе говорил, не магазин тут!

Охранник даже не стал спускаться и разочаровывать пьяниц. Он дождался, пока те взберут на лестницу сами, и остановил их суровым взглядом.

– Ты че, мужик? – не очень уверенно спросил приезжий из Калуги. – У вас что, банкет, все места заняты?

– Здесь не наливают, – тихо произнес охранник абсолютно нейтральным голосом.

– Это что, – изумился мужик в бейсболке, – это нам не наливают? Мы тебе не нравимся? Мы граждане России, и деньги у нас такие же, как у тебя, – и он продемонстрировал охраннику ком мятых денег.

– Я сказал, у нас не наливают.

– Мы с собой возьмем столько, сколько захотим, на сколько денег хватит, правда, Витек?

Витек кивнул, но, на всякий случай, спустился на одну ступеньку.

– Пошли, Сашка, мне он не нравится.

Сашка наливался кровью. Он аккуратно запихал деньги в карман, затем двумя руками повернул бейсболку и, как рыцарь опускал забрало, натянул козырек пониже, пригнулся и изготовился защитить свои права, сжав кулаки.

– Мужик, ты че? Я не понял... Ты кого на хрен посылаешь? Думаешь, галстук надел – и тебе все можно? Да мы с Витьком в Афгане таких, как ты – душманов...

Охранник терпеливо слушал, ожидая, пока у Сашки кончится дыхание. Но Сашка оказался человеком уникальным, он с одинаковым успехом говорил на вдохе и на выдохе, лишь глаза его выпучивались. И вскоре его лицо из-за выпученных глаз уже напоминало морду шестисотого «Мерседеса». Железные зубы, вставленные через один, поблескивали, как решетка радиатора.

– Вали отсюда, – тихо сказал охранник, – и желательно ровно, крыльцо-то высокое.

– Так это не магазин?

Охранник, не говоря ни слова, расстегнул пиджак и медленно отвел полу в сторону, продемонстрировав кобуру черного пистолета.

– Ты сразу так и сказал бы, что ты голову дуришь! – глаза у Сашки вернулись в прежнее положение, он развернул бейсболку козырьком назад. – Земляк, – уже миролюбиво поинтересовался он у охранника, – магазин здесь где? Ты ж мужик, нас понимаешь, нам водки, не драки хочется.

– Через два дома налево, – снизошел охранник до пьянчуг и, убедившись, что те благополучно перешли улицу, вернулся за зеркальные двери.

«Хорошо работают, аккуратно», – подумал Сиверов, посмотрев сценку у «Подъезда № 2».

Не дожидаясь, пока телекамеры развернутся в его сторону, Сиверов вернулся к машине. «Фотографировать сейчас не стоит, да и незачем. У меня еще мало информации, есть лишь впечатления. А впечатления бывают обманчивые. Охрана у них работает очень профессионально, охранники здесь опытные, свою работу выполняют безупречно. Ведь не стал разбираться, уладил конфликт почти бесшумно. И мужики остались довольны, и он свою работу выполнил, не подпустил чужих к двери. Судя по машинам на стоянке, в офисе находится человек двадцать, а помещение здесь человек на сто, если, конечно, в середине нет огромного зала с фонтанами. На сегодня экскурсия к офису фирмы «Новиков и К» закончена, наведемся на производственные объекты, может, там мне повезет больше. Как правило, управление завода всегда выглядит лучше и богаче, чем само производство. Много раз я убеждался, что фасад фирмы может быть роскошным, внушительным, но истинное впечатление о ней можно составить лишь тогда, когда побываешь в цехах, увидишь продукцию, которую они предлагают покупателям. Продукцию мне не показали, посмотрим хотя бы, где она хранится».

Склады размещались на окраине города, рядом со старой котельной, труба которой уже начала разрушаться. На громоотводе трубы развевался выцветший и потрепанный ветром красный флаг. «Молодогвардейцы здесь живут, что ли? – изумился Сиверов, вспомнив советскую классику. – И не страшно же кому-то было карабкаться по ржавым скобам, рисковать, чтобы повесить красную тряпку! Только коммунисты на такое способны, нормальный человек на трубу не полезет. Я бы мог понять, напиши этот смельчак на верху трубы имя своей возлюбленной метровыми буквами, от этого хоть польза какая-то была бы, может, девушка полюбит. А кому польза от красного флага?»

Глеб притормозил возле двух стариков, разглядывавших красный флаг. У одного на груди были орденские планки, а у другого на пиджаке виднелись две дырочки. «От пропитых орден», – сообразил Глеб. Он выбрался из машины, захватил с собой пачку сигарет, зажигалку и приблизился к старикам.

– Красиво развевается, – произнес он.

– Еще бы! – сказал старик в очках на резинке и, приложив ладонь козырьком к глазам, продолжал любоваться знаменем. – Если бы я знал, кто водрузил стяг, я бы ему сто граммов налил со своей скромной пенсии.

– Я бы тоже, – сказал Сиверов.

Старики посмотрели на него уже по-другому, не так, как прежде, они почувствовали в Сиверове что-то родственное, свое.

– Молодец парень! – сказал дед в очках на резинке. – Нам праздник сотворил, и вообще молодец! – старик с дырочками на пиджаке хлопнул себя по груди. – А нынешние-то мерзавцы залезть боятся. Они все трусы, они за деньги американцам родину продали.

– Правильно, Петрович, толкуешь, продали все за зеленые бумажки. Пойдем выпьем?

– Рано еще, – сказал Петрович. – Вот еще постоим, полюбуемся, как четыре стукнет, так и двинем.

Глеб уже заприметил склады:

– Товарищи, послушайте, а что это вон там, за бункером, блестящее?

– Коммерсанты, мать их в душу! Нет чтобы котельную восстановить, чтобы тепло в домах было, чтобы свет везде горел, так они вон что строят! Как будто это людям надо. На том месте детский стадион был. Ну, курили там дети в тайне от родителей, мы выпивали, однажды труп нашли, изнасиловали девчонку, задушил ее маньяк.

– Хорошее место.

– Так что, это им мешало? – вставил глуховатый старик и погладил орденские планки.

Затем он запустил руку в карман, как запускают руку, когда хотят выхватить пистолет. Но старик извлек не оружие, а красную книжку – удостоверение ветерана Великой Отечественной войны. Удостоверение было в целлофановом мешочке, мутном и потертом. Он принялся гонять им ветер перед носом Сиверова.

– Мы с Петровичем под этим флагом подвиги совершали, кровь проливали, а они все, ублюдки, вместе с Горбачевым и Ельциным страну развалили, разворовали, настроили лишь бы чего. Детям негде в футбол поиграть, поэтому они к наркотикам и потянулись. Разве мы с Петровичем знали, что такое наркотик? Ну выпьем по сто граммов за победу или за еще какой праздник... Правду я говорю, Петрович?

– Так точно! – выкрикнул Петрович.

Сиверову уже стало не по себе:

– Так что это за безобразие такое возвели коммерсанты на детском стадионе?

– Писали вначале в префектуру, потом мэру написали, потом – президенту. Моя жена, царство ей небесное, подписи собирала, вся ветеранская организация нашего района подписалась, двести восемьдесят девять подписей. Они сказали...

– Кто – они? – спросил Сиверов.

– Коммерсанты эти, – с омерзением произнес старик. – Обещали лампочки везде вкрутить, район благоустроить, качели сделать, песка в песочницы насыпать. Им даже песка жалко, построили склад-холодильник, – сказал Петрович. А вы, товарищ, не журналист случайно?

– Можно сказать, журналист.

– А какого издания?

– погоди, не мешай, – напарник дернул Петровича за локоть, – не лезь со своей политикой. Видишь, человек правильный, знаменем любитесь, коммерсантов ненавидит? Мы вам много чего про этих ублюдков рассказать можем. Значит, вы, товарищ, не коммерсант?

– Да какой я коммерсант, журналист я.

– Тогда слушайте, – Петрович чуть ли не всунул свои губы Сиверову в ухо. – По ночам машины приезжают и уезжают. Значит, воруют. Честные люди в рабочее время ездят.

– А что они там воровать могут, склады-то им принадлежат?

– Не скажите. А вы знаете, что там хранится? – ткнув указательным пальцем Сиверу в грудь, задал вопрос старик в очках на резинке.

– А вы знаете?

– Этого никто не знает. Охрана там почище, чем в Кремле.

– Что там может быть, водка, что ли?

– Водку стали бы так охранять? Водкой торговать можно, водку в холодильнике только дома хранят, чтобы гостю холодненькую налить. Там что-то запрещенное, – зашептал Петрович, прикладывая палец к губам. – Его зять хотел на работу туда устроиться, с высшим образованием, между прочим, и живет рядышком. Думаете, взяли?

– Думаю, нет, – предвосхитил ответ Петровича Сиверов.

– То-то и оно! Телефончик записали, культурные такие, сказали, позвонят. А до сих пор ни ответа ни привета, – и Петрович скрутил фигу. – У них все охранники на машинах ездят, как министры. Что они там хранят? Каждую неделю фуры приезжают, лишь только стемнеет, и на рассвете уезжают. Я думаю, – Петрович снова перешел на зловеющий шепот, – холодильник – это только для отвода глаз. Специально гуделку какую-то включили, чтобы людей обманывать, а сами там, наверное, публичный дом устроили и девок фурами возят.

Сиверов немного ошалел от той мешанины, которая царит в голове у Петровича. Второй ветеран оказался более здравомыслящим, может, потому, что был глуховат, поэтому узнал новостей из телевизора меньше, чем его друг.

– Это ты, Петрович, загнул. Я тоже сначала думал, что они девок возят. Но ты подумай, если бы там бордель был, то кроме гудения еще и музыка была бы слышна, и пьяные крики.

Петрович в сердцах махнул рукой:

– Глухой ты, ни хрена не слышишь... пень! – слово «пень» он добавил совсем тихо, прикрыв ладонью рот, чтобы приятель не прочел по губам обидное слово. – А может, они там зелье какое-то варят?

Но тут взгляд Петровича упал на часы:

– Блин, четыре, цигель, цигель, – он постучал ногтем по циферблату, чтобы глуховатый приятель понял, о чем идет речь. Но у того, наверное, имелись встроенные биологические часы, потому как он уже начал краснеть, раздувать щеки.

– Вы, уважаемый, нас извините, у нас срочное дело, – и Петрович, взяв под руку друга, заспешил в магазин.

Шли старики не по дорожке, а по заброшенному бумажками и пластиковыми бутылками пожелтевшему газону, злобно косясь на блестящие, сработанные из оцинкованного железа ангары склада. Они были похожи на двух военнопленных, которых на время отпустили из концентрационного лагеря сходить в деревню, раздобыть чего-нибудь поесть.

Сиверов подогнал машину к полуразрушенному забору котельной, чтобы не мозолила глаза, и, прихватив спортивную сумку, пробрался сквозь пролом в кирпичной стене. Запустение тут царило ужасное: ржавые трубы, выломанные двери, разбитые окна. «Ее уже не оживить, – подумал Глеб, – как, кстати, не оживить и красный флаг. Повесить можно, но он все равно мертвый».

Шаги Сиверова гулко звучали в пустом помещении котельной. Он поднялся по ржавой винтовой лестнице на второй этаж, а оттуда сквозь надстройку – на крышу. Даже тут валялись битые бутылки, пивные пробки и пластиковые шприцы. Эти места давно облюбовали себе пьяницы и наркоманы. «Тем лучше, – подумал Глеб, – значит, ни у кого не возникнет подозрений, когда увидят человека на крыше».

Он устроился за жестяным коробом вытяжки, с которой, конечно же, давно был снят электромотор. Территория склада была видна отсюда как на ладони, аккуратная, ухоженная, вдоль забора шел узкий цветник. «Полная фирма. Если не смотреть на микрорайон, то можно

подумать, что ты где-то в Германии или, на худой конец, в Чехии. Даже бордюры выкрашены черной и белой краской, а все дорожки вымощены цветной фигурной плиткой».

Никого на территории видно не было. Глеб достал бинокль и навел резкость. Теперь кое-что стало проясняться. По углам над входами в каждый из складов, а их было два, виднелись телекамеры, такие же, как на офисе фирмы «Новиков и К». У ворот возвышалось солидное кирпичное здание со стеклопакетами и дистанционным управлением ворот. За стеклом Глеб рассмотрел трех охранников, игравших в карты, еще один ходил у ворот снаружи. «Если охранник ходит снаружи, – подумал Сиверов, – значит, охраняют на полном серьезе».

В углу помещения для охранников Глеб увидел синеватые сполохи. «Вот и мониторы, только их отсюда не видно. Холодильные установки настоящие, тут Петрович был не прав. Сколько может быть мяса в холодильных установках? Совсем немного, можно загнать фур пять от силы. Переработкой здесь не занимаются, только хранят. Какого черта они работают только ночью, а не днем? Старики хоть и подслеповатые, но глазастые, все, что выпадает из общего ряда, заметят. А что им еще делать? Ждать четырех часов и идти в магазин. Многолетняя привычка – на работе не пить, а употреблять спиртное лишь в конце дня. Те, кто поступает иначе, спиваются еще в молодости. Вот и еще, – Глеб перевел бинокль чуть ниже и насчитал три собачьи будки. Псы в это время дремали, но вздумай кому-нибудь перескочить через забор, в миг разорвали бы непрошеного гостя в клочья. – Немецкие овчарки, – у склада Глеб насчитал шесть легковых машин. – Значит, охранников как минимум шестеро».

Глеб сделал несколько снимков: сперва – общий вид, затем, поменяв объектив на телевик, сфотографировал детали, которые его заинтересовали: будку охранников, ворота каждого склада, холодильные установки, телекамеры.

«К ребятам стоит подойти», – Сиверов вновь нырнул на винтовую лестницу, оставил сумку в машине и не спеша направился к охраннику, расхаживавшему у ворот мясного склада.

Тот заметил его уже издали, остановился и, не таясь, рассматривал подходившего к нему мужчину.

– Добрый день, – нейтрально проговорил Сиверов.

– Привет, – проронил охранник и ощупал взглядом Глеба.

Охранник был на голову выше Сиверова и килограммов на двадцать весомее, поэтому чувствовал себя вполне уверенно. Уверенности добавляла и кобура с тяжелым пистолетом, спрятанная под легкую куртку.

– Кто тут у вас начальник, не подскажешь?

– Зачем? – поинтересовался охранник.

– Дело у меня есть, – Глеб лениво достал пачку сигарет и предложил закурить охраннику.

Тот не отказался.

Курение сближает людей, да и опасности охранник не чувствовал никакой.

– Начальство не здесь сидит.

– Кто у вас хозяйством заведует?

– Каким хозяйством?

Глеб улыбнулся:

– Я инженер по холодильному оборудованию, раньше на рыболовном сейнере ходил холодильщиком, в аппаратуре разбираюсь. Вижу, у вас холодильники хорошие, немецкие, но один разрегулирован, по звуку слышу. Наверное, хладагент долить надо.

Охранник передернул плечами, но из любопытства прислушался. На его взгляд, все холодильные установки работали одинаково ровно, чуть слышно.

– Не знаю, я в этом не специалист. Инженера по холодильным установкам здесь нет, приезжает иногда, смотрит. Не мое это дело.

– Жалко, если дорогое оборудование загубите.

– Тебе чего жалко, твое, что ли? Запорют – новое купят, деньги пусть начальство считает.

– А ты чем занимаешься? – глядя поверх головы охранника, спросил Глеб.

– Таких, как ты, встречаю. Если человек хороший, могу поговорить, а если не понравится, вежливо выпроваживаю, понял?

– У меня проблема, – сокрушенно покачал головой Глеб, – живу я в десяти минутах ходьбы отсюда, вон в той пятиэтажке, – и Сиверов указал пальцем в сторону домов – пятиэтажки стояли серой стеной. – С флота вернулся, нашел работу, но на другом конце города. Представь, полтора часа туда пилить, полтора – назад, три часа на городском транспорте в дороге. Если на своей машине ездить, то бензина больше сожжешь, чем денег получишь.

– Понятное дело. Но у нас ты работу не найдешь, у нас на работу отбирают почище, чем в ФСБ, только по личной рекомендации попасть можно.

– Кто порекомендовать может?

– Только кто-нибудь из своих, кто долго уже работает и с начальством на короткой ноге.

– Жаль, – проговорил Глеб.

– У нас на место конкурс, как в академию международных отношений, тридцать человек, не меньше, и уходить никто не хочет.

– И текучка кадров нулевая? – усмехнулся Глеб.

Усмехнулся и охранник:

– Бывает, что новых берем, но это если человек очень нужный начальству.

– А так, представляешь, клево мне было бы! Десять минут от крыльца до ворот, на обед домой бы бегал, с ребенком бы погулять успевал. У меня их двое, кормить надо.

– Знаешь что, инженер, – сказал охранник, аккуратно опуская окурочок в урну, – тут ты своего счастья не найдешь, обращайся в контору к начальству. Может, ты им и подойдешь.

– К какому начальству обращаться?

– Не знаю, – передернул широченными плечами охранник, – в городе они сидят, вот туда тебе и ехать надо. А здесь тебя на работу никто не возьмет, грузчики у нас есть – четыре человека, платят им как министрам, работают в белых халатах и перчатках, платят больше, чем мне.

– Тогда почему в грузчики не идешь?

– Я бы с удовольствием пошел, да никто не предлагает. Грузчиком устроиться еще сложнее.

– Первый раз такое слышу. Вы что, золото грузите или мешки с деньгами?

– Какое там, – махнул рукой охранник и звонко щелкнул толстыми пальцами, – мясо грузят из машин в холодильники, потом из холодильников в машину – вот и вся работа. Причем все механизировано, даже пуп на такой работе не надорвешь, а деньги платят, будь здоров, – у охранника на поясе запищал телефон. – Ну ладно, иди, приятель, – охранник прижал трубку к уху. – Пятый слушает, – громко и внятно произнес он в микрофон. – Понял, сейчас буду.

Глеб все еще стоял, переминаясь с ноги на ногу. Маленькая железная дверь в стене открылась, охранник исчез за забором. Но Сиверов успел рассмотреть систему замков: «Электрический!»

Неторопливо, с обреченным видом он картинно удалился от складов. Глеб снова увидел двух ветеранов-пьяниц, спешащих от магазина и уже не обращающих внимания на развевающееся знамя. У одного пола пиджака висела ниже другой, Петрович нес бесценный груз, придерживая его рукой.

Глава 3

Три рефрижератора с московскими номерами и джип, в котором сидели Смирнов и три охранника, уже миновали границу между Россией и Беларусью, миновали Минск и ранним утром подъезжали к Бресту. Остальную дорогу проехали ночью. После Минска пейзаж стал унылым: ни возвышенности, ни горки, земля ровная, как сковорода, и утомительная, нигде не сворачивающая широкая дорога, пустынная этим ранним утром. Джип шел впереди колонны в отрыве на полкилометра, с водителями Смирнов переговаривался по рации.

Выходили на связь каждые пятнадцать минут независимо от того, случилось что-нибудь или нет.

– Все в порядке? – спрашивал Смирнов.

Ему так же коротко отвечали:

– В порядке, шеф.

Никто не обижался на эти короткие сеансы связи. Так было установлено не ими, а начальством, и попробуй кто-нибудь нарушить распоряжение, вмиг вылетел бы с работы. Смирнов, сидевший рядом с водителем, нервно курил.

– Что-то ты, Семенович, невеселый? Дома чего случилось, с детьми, с женой?

– Нет, все в порядке, – бросил Смирнов, – не выспался просто.

– Перед дорогой всегда спать надо, – сказал охранник с заднего сиденья и тут же вновь «клюнул» носом, задремал.

Смирнов не любил, когда его подчиненные расслаблялись. Он тут же ткнул антенной рации охранника в солнечное сплетение и, когда тот испуганно вскинул голову, приказал:

– Следи за обстановкой, теперь ты будешь связываться.

Охранник пожалел, что подколол шефа.

Смирнов всматривался в предрассветный туман, который накатывался на дорогу. В болотистых местах того и гляди столкнешься с встречной машиной в тумане, даже заметить не успеешь. Туман вновь рассеялся, и тут в кармане у Смирнова зазвонил мобильник. Он бросил взгляд на часы, укрепленные на приборной панели джипа.

– По расписанию, можно стрелки выставлять. Слушаю!

– Семенович, мы уже ждем, мы на месте.

– Понял. Остановимся.

Проехали километра три, замаячила площадка для отдыха водителей-дальнобойщиков. На площадке милицейский УАЗ, джип с темными стеклами, да человек в кожанке, прохаживающийся вокруг него и дышащий на озябшие руки.

– Скажи им, – Смирнов бросил через плечо охраннику, сидевшему на заднем сиденье, – чтобы не проскочили стоянку.

– Сами знают.

– Скажи все равно, чтобы не разгонялись.

Машина с охраной подъехала к навесу, возле которого стоял джип. Смирнов с радостью выбрался на асфальт, пару раз присел, похрустел костями.

– Зарядку делаешь? – усмехнулся мужчина в черной кожаной куртке, застегнутой под самое горло.

– От Москвы только три раза останавливались, чтобы отлить да чаю попить.

– Не пил бы чаю – не останавливался бы отлить, – усмехнулся мужчина в кожанке.

Этот разговор, как и приседания, взмахи руками, повторялся каждый раз, когда они встречались на этом самом месте. Так же традиционно закурили. Смирнов угостил московской сигаретой, мужчина достал польскую.

– Не люблю я их сигареты, – проворчал Смирнов, – табачок дрянной.

– А по-моему, ничего, крепкий.

– После них кашель душит.

– Скажи ребятам, пусть пушки сдадут, – и мужчина поднял заднюю дверцу джипа, где стоял деревянный ящик, прикрытый не очень свежей тряпкой. На переднем сиденье УАЗа гордо восседал тучный милицкий майор. В том, что милиционер настоящий, никто бы не усомнился: коротко стрижен, хорошо выбрит, морда сытая, а взгляд такой, какой бывает только у ментов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.